

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

**ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО
ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
«АРМАВИРСКАЯ ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ АКАДЕМИЯ»**

**Кафедра всеобщей и отечественной истории
Армавирское городское общество историков-архивистов**

**ТРАНСФОРМАЦИЯ ЭТНИЧЕСКОГО СОСТАВА НАСЕЛЕНИЯ
РОССИЙСКИХ ГОРОДОВ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА
В КОНТЕКСТЕ МИГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ**

**Материалы межрегионального круглого стола
(г. Армавир, 23 октября 2014 г.)**

**Армавир
АГПА
2014**

УДК - 94(470.6)
ББК - 63.3(2Р37)
Т 65

Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда и Краснодарского края в рамках научного проекта № 14-11-23003

Составитель - ***О.В. Ктиторова***

Редакционная коллегия:

Дударев С.Л., д-р ист. наук, профессор (ответственный редактор),
Ктиторов С.Н., канд. ист. наук, доцент (член редколлегии),
Ктиторова О.В. (ответственный секретарь).

Т 65 Трансформация этнического состава населения российских городов Северного Кавказа в контексте миграционных процессов: Материалы межрегионального круглого стола (г. Армавир, 23 октября 2014 г.). - Армавир: РИО АГПА, 2014. - 80 с.

В настоящем сборнике представлены материалы межрегионального круглого стола по теме «Трансформация этнического состава населения российских городов Северного Кавказа в контексте миграционных процессов», который состоялся на историческом факультете Армавирской государственной педагогической академии 23 октября 2014 г.

В издании отражено основное содержание выступлений, посвящённых проблемам формирования полиэтничного населения городов Северного Кавказа, анализируются вопросы влияния миграций на характер протекания этносоциальных процессов в урбанизационной среде региона. Особое внимание уделяется выявлению конструктивных моделей межнационального сотрудничества в российских городах Северного Кавказа с конца XVIII до начала XX вв.

Для научных сотрудников, преподавателей вузов, учителей школ, студентов и учащихся старших классов общеобразовательных учреждений.

Печатается в авторской редакции

УДК - 94(470.6)
ББК - 63.3(2Р37)

© Авторы статей, 2014
© Оформление. ФГБОУ ВПО «Армавирская государственная педагогическая академия», 2014

От редколлегии

Публикуемые статьи представляют собой материалы межрегионального круглого стола «Трансформация этнического состава населения российских городов Северного Кавказа в контексте миграционных процессов», прошедшего 23 октября 2014 г. в Армавирской государственной педагогической академии.

Тематика круглого стола находится в русле основной одной из ключевых проблематик кафедры всеобщей и отечественной истории АГПА: формы реализации межэтнического взаимодействия в поликультурном пространстве Северного Кавказа (см.: Этническая толерантность и межнациональный мир на Северном Кавказе: Материалы Всероссийской научно-практической конференции. - Армавир, 2012. - 320 с.; Межэтническое взаимодействие на Северном Кавказе в контексте становления и развития российской государственности: материалы Всероссийской научно-практической конференции (26 апреля 2014 г.). - Армавир: Дизайн-студия Б, 2014. - 276 с., ил.; Дударев С.Л., Дударев Д.С., Ктиторова О.В., Цыбульникова А.А. Проблемы интеграции этнических сообществ в состав Российского государства и пути их решения (на примере Северного Кавказа): монография. - Армавир, 2014 - 252 с., ил.).

Актуальность разработок по межэтническому взаимодействию неоднократно обосновывалась в работах участников проекта. Она продиктована сложнейшей обстановкой, возникшей в ходе разнообразных миграционных процессов и движений, затронувших мир, Россию и Северный Кавказ в конце XX - начале XXI в. и поставивших на повестку дня рассмотрение этнических процессов прошлого на новом уровне, с использованием современных концепций и подходов.

Авторы круглого стола сосредоточили своё внимание на анализе этномиграционных процессов исторического прошлого в контексте становления урбанизационной среды Северного Кавказа. В сборник вошли материалы докладов специалистов по этнической истории региона, которые раскрывают, каким образом факторы поликультурности и поликонфессиональности воздействовали на застройку и архитектуру населённых пунктов, социокультурные процессы в городской среде, и как, в свою очередь, город влиял на формирование региональной полиэтничности. Такой двусторонний принцип рассмотрения урбанизационного и межэтнического факторов в историческом прошлом Северного Кавказа вполне закономерен, так как они находились в тесном взаимовлиянии в прошлом: город становился питательной средой для складывания сложного в этническом отношении социума, который в дальнейшем определял характер и направленность внутригородской культуры.

ВЗАИМОСВЯЗЬ ПРОЦЕССОВ УРБАНИЗАЦИИ ПРЕДКАВКАЗЬЯ С ЯВЛЕНИЯМИ ЭТНИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ И ИНТЕГРАЦИИ¹

Резко ускорившиеся после окончания Кавказской войны миграционные процессы, заключавшиеся в притоке на земли Предкавказья переселенцев из разных уголков России, стали важнейшим фактором формирования полиэтничного облика данного региона и особенно располагавшихся здесь городских центров.

В 1897 г. в Российской империи была проведена первая всеобщая перепись населения, в ходе которой принадлежность к той или иной этнической группе учитывалась по родному языку человека. Большинство жителей Кубанской области назвали родным языком русский (в том числе великорусский, малорусский и белорусский) - 1 737 908 чел., затем (в порядке убывания численности говорящих): черкесский - 38 488 чел., карачаевский - 26 877 чел., немецкий - 20 778 чел., греческий - 20 137 чел., кабардинский - 14 340 чел., армянский - 13 926 чел., абхазский - 12 481 чел., ногайский - 5880 чел., молдавский - 5370 чел., татарский - 3848 чел., польский - 2719 чел. и мн. др. Всего же, по данным переписи 1897 г., в Кубанской области проживало 1 918 881 чел. [1]

Узлами миграционных процессов, точками притяжения и концентрации пришлого населения служили, прежде всего, города, превращавшиеся в этот период из преимущественно военно-административных и религиозных центров в торгово-промышленные пункты, места развития образования и культуры. Поскольку в миграционных потоках участвовали люди разных национальностей, в городах обычно формировался полиэтничный контингент жителей [2]. Именно урбанизированная среда стала зоной разнообразных межэтнических контактов и взаимодействий, тем полем, на котором возвращались традиции дружбы и добрососедства, рождались новые явления культурной интеграции.

Спецификой Российской империи являлось существование наряду с официальными городами крупных торгово-промышленных поселений, насчитывавших десятки тысяч жителей и имевших сложившуюся урбанизированную среду, но не обладавших юридическим статусом города. Эти пункты известный русский географ В.П. Семёнов-Тян-Шанский причислял к так называемым «истинным городам» [3]. Подобные поселения в конце

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда и Краснодарского края в рамках научного проекта № 14-11-23003

XIX - начале XX в. быстро росли и на Кубани. Помимо официальных городов здесь сформировались такие городские по своей сути центры как станция Лабинская, хутор Романовский и особенно село Армавир, анализу межэтнических контактов в котором и посвящено данное сообщение.

Основанный в 1839 г. как аул черкесо-гаев (черкесских армян), в 1876 г. Армавир был преобразован в село, а в 1914 г. получил статус города. Однако ещё задолго до 1914 г. селение Армавир отличалось развитой урбанизированной средой и инфраструктурой, не уступая в этом отношении таким значительным губернским и областным центрам как Екатеринодар, Новороссийск, Ставрополь и Владикавказ. В конце XIX - начале XX в. по своей многонациональности Армавир заметно выделялся даже в масштабах Кубанской области, что позволяет рассмотреть межэтнические интеграционные процессы именно на примере данного населённого пункта.

После проведения в 1875 г. Владикавказской железной дороги в селение стали прибывать переселенцы из различных уголков России. Удачное месторасположение Армавира на линии магистрали, посреди обширного сельскохозяйственного района с плодородными чернозёмами, вблизи от важнейших торговых центров Кубанской и Терской областей и Ставропольской губернии привлекало сюда не только русских, но и представителей многих других народов, живущих в нашем Отечестве.

В 1882 г. кубанский историк Е.Д. Фелицын собрал сведения о всех населённых пунктах области, а также о численности и национальном составе их жителей. По данным этого обследования, в Армавире проживали: армяне, абадзехи, бесленеевцы, евреи, греки, немцы и русские [4]. В других населённых пунктах Кубани контингент жителей был более однородным. Даже в областном городе Екатеринодаре Е.Д. Фелицын зафиксировал представителей только 4-х этнических общин: русских, украинцев, армян и евреев.

Пёстрый многонациональный состав жителей стал одной из отличительных черт Армавира, на что неизменно обращали своё внимание современники. Так, в одном из газетных очерков 1889 г. отмечалось: «Чтобы понять, кто населяет Армавир, необходимо представить себе население города Одессы. И Армавир, подобно Одессе, разумеется в миниатюре, населяют все народы земного шара... Никто здесь не обезличен, каждый имеет свой национальный кружок». В числе представителей национальных общин Армавира автор статьи называл армян, русских, французов, немцев, поляков, евреев, греков, персов, австрийцев, грузин, туркмен, татар, горцев, итальянцев и даже упоминал одного «гордого янки» [5]. Уже в начале XX в. из-за многонационального состава местного населения современники именовали порой Армавир «новым Вавилоном» [6]. Отчасти в этом же ключе следует рассматривать ещё один распространённый «псев-

доним» селения того периода - «кубанская Америка», который в частности использовал в своём очерке об Армави́ре видный публицист и этнограф В.Г. Богораз-Тан [7].

Неоднородный этнический состав Армави́ра чётко зафиксирован в данных переписи 1897 г. Общее количество жителей села достигло 18113 чел. По языковой и отчасти религиозной принадлежности население это распределялось так: русские - 11235 чел. (62 % всех жителей); армяне - 4756 (26,3 %); немцы - 1269 (7 %); греки - 269 (1,5 %); кавказские горцы - 154 (0,8 %); поляки - 122 (0,7 %); татары - 120 (0,7 %); грузины - 51 (0,3 %); евреи - 27 (0,1 %); венгры - 25 (0,1 %) и прочие - 85 (0,5 %) [8].

К моменту преобразования в 1914 г. в город Армавир уже имел до 60 тысяч жителей, превратившись в крупнейшее село Российской империи [9]. В результате постоянного притока выходцев из российских губерний процентное соотношение местных этнических общин заметно меняется в пользу русских (в 1910 г. в Армави́ре их числилось 32483 чел. или 74 % от всего населения) [10]. По количественному же показателю порядок расположения проживавших в Армави́ре народов в основном остаётся прежним.

Представители национальных групп Армави́ра выделялись не столько внешним обликом и иноязычием, сколько своими занятиями. Каждая этническая община сумела найти здесь особое место в экономической или общественной жизни. Занимая отдельные профессиональные ниши и выполняя собственные общественно-важные функции, представители разных народов, с одной стороны, наиболее эффективно реализовывали себя в привычных сферах деятельности, а с другой - существенно ограничивали возможности конфликта на базе столкновения взаимных интересов.

Русские, составлявшие с середины 1880-х гг. большинство населения Армави́ра, были заняты во всех сферах экономической и общественной жизни. Доминировали они в среде промышленного и сельскохозяйственного пролетариата. К русским относилась основная масса местной интеллигенции и чиновников, за исключением Армавирской Волостной администрации, комплектовавшейся исключительно из черкесо-гаев [11].

Представители русской интеллигенции играли важнейшую роль в развитии культурной сферы Армави́ра. Их усилиями в 1890 г. было создано самое известное и популярное местное благотворительное объединение - Общество попечения о детях, принявшее на себя основной груз забот о развитии в селе народного образования (на его средства содержалась женская гимназия, 5 начальных училищ, публичная библиотека и музей учебных наглядных пособий) [12]. Всеобщую любовь и уважение среди различных слоёв населения снискал русский житель Виктор Игнатьевич Лу́нин - создатель и глава Общества попечения о детях, депутат I Государственной думы, инициатор и вдохновитель большинства общепользных на-

чинаний. В деятельность упомянутого объединения вовлекались не только русские, но и люди других национальностей, что для Армавира было обычным явлением. В начале XX века в состав руководящего комитета общества попечения о детях помимо русских входили представители армян, грузин, немцев и евреев [13].

Плодотворная деятельность русских служила примером для остальных этнических общин села. Руководитель местного армянского церковного хора Шаган-Симон отмечал, что русские «брались за дело с умом, и поэтому разногласий между разными группами не было, наоборот, многие армянские интеллигенты вливались в русскую общину, так как здесь была более высокая культура, и ускоряли тем самым ассимиляцию армян» [14]. В целом, с конца XIX в. роль и значение русской общины Армавира постоянно усиливались, что объясняется возрастающим с каждым годом притоком на земли Предкавказья переселенцев из центральной и южной России.

Второй по численности этнической группой Армавира была армянская община. В начале XX в. она становится крупнейшей на Северном Кавказе. Так, в 1910 г. в Армавире проживало 7813 армян, в то время как в Кизляре их насчитывалось 5 тыс. чел., в Святом Кресте - 4624 и в Екатеринодаре - 3437 чел. [15]. В других центрах региона количество армян было значительно меньше. Местная армянская община чётко делилась на две группы: коренных армавирицев - черкесо-гаев, потомков основателей аула, и иногородних переселенцев, приток которых начался с конца XIX в. Если выходцы из южных губерний России переселялись в Армавир в поисках более высокого заработка, руководствуясь, прежде всего, торговыми интересами, то турецкие армяне спасались на Кубани от религиозного и национального гнёта у себя на родине. Количество таких беженцев из Западной Армении особенно вырастает в Армавири в годы Первой мировой войны.

Профессиональная специализация армян Армавира была весьма обширной, но на первый план выступали разнообразные торговые занятия (особенно заметную роль здесь играли коренные черкесо-гаи). В собственности армян находилась также значительная часть местных промышленных предприятий. В состав армянской общины входило много интеллигенции, в основном, врачей и учителей.

Иногородние армяне резко отличались от коренных жителей черкесо-гаев по своему культурному облику. Приезжие долго сохраняли свой язык и традиции, медленно ассимилируясь в иноэтничную среду. Среди коренных армавирицев по-прежнему был широко распространён черкесский язык и основные элементы материальной культуры горцев. Вместе с тем, черкесо-гаи быстрее приобщались к русской и общеевропейской культуре, нежели к армянским обычаям и устоям [16]. Это объясняется тем, что горские армяне длительное время проживали в тесном общении и взаимодей-

ствии со славянским населением, численность которого в Армавире постоянно увеличивалась. В начале XX в. многие современники и в том числе Ф.А. Щербина отмечали, что черкесо-гаи становятся «руссо-гаями» по «языку, гражданским навыкам, и общим условиям жизни» [17].

Третье место по численности после русских и армян в Армавире занимали немцы. Эта национальная группа селения являлась крупнейшей на Северном Кавказе. В 1910 г. по количеству немцев населённые пункты региона располагались в следующем порядке: Армавир (2834 чел.), Екатеринодар (1224 чел.), Грозный (607 чел.), Пятигорск (558 чел.) и т.д. [18] Подавляющее большинство армавирских немцев были подданными России, прибывшими в селение из Саратовской и Самарской губерний. Их главными занятиями служили частная служба и поденная работа, земледелие, торговля, производство кирпича и извозный промысел. Немецкие имена часто встречаются среди местной интеллигенции и чиновников [19].

В конце XIX - начале XX в. в Армавире формируется самобытная община ассирийцев, по некоторым косвенным данным, являвшаяся самой многочисленной на Северном Кавказе. Первые представители этого народа появляются в Армавире в поисках заработка ещё в начале 1880-х гг. [20]. Среди ассирийцев было много чернорабочих (преимущественно на кирпичных заводах), мелочных торговцев и извозчиков. По составленному в 1909 г. членами самой общины посемейному списку, в Армавире проживало 262 «сирохалдея» [21]. Численность ассирийцев в Армавире значительно возросла после начала Первой мировой войны. В Османской империи против христиан-ассирийцев была развёрнута политика геноцида. Спасая свои жизни, десятки тысяч айсоров ушли в Россию. Уже в 1915 г. количество ассирийцев в Армавире составило 300 семейств [22].

В конце XIX - начале XX в. в Армавире проживало много представителей народов, объединённых принадлежностью к исламу. В основном это были казанские татары, северокавказские горцы и персы (азербайджанцы). Как сообщал в 1913 г. один из современников, основными занятиями татар являлись извозный промысел, торговля старыми вещами и служба в различных учреждениях [23]. Довольно специфическую функцию выполняли в Армавире персы: они доставляли жителям на дом воду [24].

Основными занятиями горцев, численность которых в начале 1910-х гг. достигала в Армавире нескольких сот человек [25], являлись земледелие, поденная работа и мелочная торговля. Для окрестных черкесских аулов: Вольного, Урупского, Коноковского, Кургоковского и др. Армавир являлся важнейшим экономическим центром. Именно здесь в начале XX в. закладывались многие традиции боевого содружества и взаимопомощи горцев и русских. В 1904 г. после начала Русско-Японской войны селение стало местом окончательного формирования Кавказской конной бригады, состо-

явшей из Терско-Кубанского и Дагестанского полков, куда добровольцами записывались кавказцы, желавшие сражаться за Россию. 20 мая 1904 г. бригада была отправлена из Армавира на Дальний Восток [26]. Когда вспыхнула Первая мировая война, в сентябре 1914 г. в военном лагере на р. Урупе под Армавиrom происходило комплектование Черкесского полка Кавказской конной туземной дивизии. В октябре того же года всадники Черкесского полка отбыли из Армавира на Юго-Западный фронт, где вступили в боевые действия против австрийцев [27]. В сражениях Русско-Японской и Первой мировой войн кубанские горцы покрыли себя громкой и заслуженной славой, на деле доказав, что они являются верными и преданными сынами своего Отечества - России.

Большое влияние на развитие местной экономики оказывали греки. В Армавире их главной специализацией являлась скупка и вывоз на экспорт зерновых продуктов [28].

В начале XX в. в Армавире проживало более 200 поляков. Немало представителей этого народа было среди врачей, учителей, нотариусов, служащих и чиновников. В экономике же они большой роли не играли [29].

В 1880-х гг. в Армавире впервые появляются болгары. На Кубань представители этого народа переселялись, главным образом, с территории Украины и Молдавии [30]. Накануне преобразования села в город их армавирская община насчитывала не менее сотни человек. Важнейшим занятием армавирских болгар являлось выращивание на продажу разнообразных овощей и зелени [31]. В Армавире болгар называли «учителями по огородным делам». По воспоминаниям местных старожилов, до появления болгар сельчане не имели представления о таких овощах, как помидоры, баклажаны, сладкий перец, кабачки, цветная капуста и т.п. [32].

Среди хозяев местных трактиров, харчевен, винных погребов, гостиниц и меблированных комнат было много грузин, армавирская община которых в начале XX в. состояла из нескольких десятков человек [33].

По не вполне понятным причинам, официальная статистика практически не отмечала в Армавире евреев. Например, по сведениям атамана Лабинского отдела, в 1911 г. в селении проживало всего 7 евреев [34]. Однако, по моему мнению, в начале XX в. местная еврейская община насчитывала не менее нескольких десятков человек. Среди них было много врачей и аптекарей. Активно евреи были задействованы также в посреднической и комиссионерской торговле, кредитных операциях [35].

В начале XX века в Армавире проживало несколько десятков чехов. Им принадлежало несколько промышленных предприятий, причём чехи считались здесь самыми опытными пивоварами. Наиболее заметны представители этого народа были в качестве руководителей и членов музыкальных коллективов Армавира [36].

Среди армавирского населения встречались также цыгане, турки, венгры, латыши, австрийцы, французы, американцы и представители других народов. И хотя, по причине своей малочисленности, они не оказывали серьёзного влияния на местную экономическую и общественную жизнь, всё же, несомненно, добавляли колорита в этнический портрет селения и города.

Важнейшим условием сохранения национальной идентичности в то время являлась религия. В Армавире представители разных конфессий имели все возможности для удовлетворения своих духовных нужд. В до-революционный период здесь находились 5 православных [37] и 4 армяно-григорианских храма [38], польский костёл [39], лютеранская церковь [40], татарская мечеть [41] и, по некоторым данным, синагога [42].

Отношения верующих отличались взаимопониманием, нередко совместные богослужения объединяли людей разной этнической принадлежности. Так, в армавирской православной Николаевской церкви для местных ассирийцев и греков звучали молитвы и песнопения на их родных языках. В июне 1912 г. в этом же храме совместную службу с русским духовенством при огромном стечении народа провёл Католикос всех армян Геворг V [43]. В ноябре 1915 г. православным ассирийцам по решению епархиальных властей для организации религиозных церемоний на родном языке и со своим священником была предоставлена монастырская церковь Св. Александра Невского [44]. В армяно-григорианских храмах обычным явлением было чтение проповедей на родном для коренных жителей черкессо-гаев адыгском языке.

Общий доброжелательный межнациональный климат в Армавире определялся, прежде всего, отношениями между представителями крупнейших русской и армянской общин. В этом плане весьма примечательно, что в знак взаимного уважения во время православных и григорианских праздников местные армянские и русские торговцы, отставив интересы прибыли, закрывали свои магазины.

Большинство жителей Армавира объединяло чувство принадлежности к общему Отечеству. Своё благополучие люди разных национальностей связывали с судьбой России. Неудивительно, что после начала в июле 1914 г. Первой мировой войны торжественные богослужения о даровании «русскому воинству» победы над врагом прошли не только в армавирских православных храмах, но также в армяно-григорианских церквях, католическом костёле, мечети и даже в немецкой лютеранской церкви [45].

Представители разных народов не забывали и о развитии собственной национальной культуры. Этнические общины открывали собственные учебные заведения, создавали просветительские и благотворительные организации (Римско-католическое общество пособия бедным; Отделение армянского благотворительного общества на Кавказе; Общество распро-

странения грамотности среди грузин; Немецкое лютеранское общество; Общество помощи беженцам евреям и др.). Важно и то, что в самых крупных и деятельных армавирских благотворительных объединениях состояли люди различных национальностей, сплотившиеся на базе общих интересов.

Об интенсивности межэтнического общения в Армавире свидетельствует также активная деятельность здесь энтузиастов и пропагандистов международного языка «ИДО», представлявшего собой реформированный вариант эсперанто. Вскоре после создания в Париже в 1907 г. Международного комитета всемирного языка в Москве возникло Русское общество всемирного языка, а его первый российский филиал открылся в 1909 г. в Армавире по инициативе местного учителя А.М. Капустянского [46]. В 1910 г. здесь было основано издательство «Международный язык», в котором печатался широкий круг учебной литературы по изучению языка «ИДО» [47].

Жители Армавира находились в постоянном взаимодействии, что объективно разрушало многие этнические границы, порождая процессы аккультурации и ассимиляции. Неоднородность населения Армавира практически никогда не оборачивалась межнациональным противостоянием. Весьма показательно, что черносотенные погромы, прокатившиеся по селению 23-24 октября 1905 г. не имели национальной окраски. От рук монархистов пострадали представители местной передовой интеллигенции: русские, поляки, немцы, евреи и др. [48]. И даже напряжённая 30-летняя борьба иногородних армавирцев за преобразование села в город, против чего выступали коренные жители черкесо-гаи, не привела к обострению отношений между русским и армянским населением [49].

Несмотря на резкие социальные контрасты, в урбанизированной среде Армавира рождались традиции совместного проживания различных народов. В едином экономическом пространстве под мощным и благотворным воздействием русской культуры в этнически неоднородной массе жителей складывались многообразные формы сотрудничества и добрососедства, формировались общие интересы и потребности, объединявшие людей. По моему мнению, в этом мирном сотрудничестве рельефно обнаруживается универсальное явление «Российскости», под которым понимается тенденция к установлению равноправных и дружеских отношений между разноязычными подданными империи, ведущая к межнациональному единству и осознанию общности исторической судьбы. Эти интеграционные процессы были характерны для всего Российского государства и особенно интенсивно протекали в урбанизированной среде городов и крупнейших селений.

Примечания

1. Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. Т.65. Кубанская область. - СПб., 1905. - С.1, 60-63.

2. Лаппо Г.М. География городов. - М., 1997. - С.20.
3. Семёнов-Тян-Шанский В.П. Город и деревня в Европейской России. - СПб., 1910. - С.72-73.
4. Фелицын Е.Д. Кубанская область. Списки населённых мест по сведениям 1882 года // Сборник сведений о Кавказе. - Т.8. - Тифлис, 1885. - № 5926.
5. Северный Кавказ. - Ставрополь, 1889. - № 83. (Далее СК).
6. Отклики Кавказа. - Армавир, 1912. - № 263. (Далее ОК).
7. Там же. - 1913. - № 57.
8. Первая всеобщая перепись... - С.60-63.
9. Кавказский календарь на 1915 год. - Тифлис, 1914. 1 паг. - С.90; Конопка С.Р. Кавказ (Северный Кавказ и Закавказье). - Тифлис, 1914. 2 паг. - С.156.
10. Города России в 1910 году. - СПб., 1914. 7 паг. - С.910-911.
11. Ктиторов С.Н. История Армавира (досоветский период: 1839-1918 гг.). - Армавир, 2002. - С.183-184.
12. Михайлов М. Виктор Игнатьевич Лунин. Политический и общественный деятель. - Армавир, 1917. - С.12,14-17.
13. Северокавказский календарь-справочник на 1907 год. - Екатеринодар, 1906. 3 паг. - С.149; Кубань и Черноморское побережье. справочная книга на 1914 год. - Екатеринодар, 1914. - С.209.
14. Шаган-Симон. Памятник армавирскому четырёхголосному хору. - Тифлис, 1914. (На арм. яз.). - С.102.
15. Города России в 1910 году. - СПб., 1914. 7 паг. - С.908, 910-911.
16. Шаган-Симон. Указ. соч. - С.73,106.
17. Щербина Ф.А. История Армавира и черкесо-гаев. - Екатеринодар. - 1916. - С.184.
18. Города России в 1910 году. - СПб., 1914. 7 паг. - С.908, 910-911.
19. Ктиторов С.Н. Указ. соч. - С.189.
20. Виноградов В.Б., Ктиторов С.Н. Очерк истории армавирских ассирийцев. - Армавир, 1996. - С.6-7.
21. Российский Государственный исторический архив. Ф.799. Оп.26. Д.1510. Л.2об.
22. ОК. - 1915. - № 30.
23. Кубанский край. - Екатеринодар, 1913. - № 141. (Далее КК).
24. СК. - 1889. - № 89; ОК. - 1915. - № 18.
25. КК. - 1911. - № 165.
26. Бардадым В. Ратная доблесть кубанцев. - Краснодар, 1993. - С.109; Вершигора А.Д. О взаимодействии адыгов и русских в военных вопросах после Кавказской войны // Кавказская война: уроки истории и современность: Материалы научной конференции. - Краснодар, 1995. - С.223-224.
27. Вершигора А.Д. Указ. соч. С.225; Опрышко О.Л. Кавказская конная дивизия. 1914-1917: Возвращение из забвения... - Нальчик, 1999. - С.45, 49.
28. Ктиторов С.Н. Указ. соч. - С.193.
29. Там же.
30. Бондарь Н.И. Что мы знаем друг о друге? Этнографический очерк о на-

- родах Кубани // Кубанский краевед. - Краснодар, 1990. - С.147.
31. Ктиторов С.Н. Указ. соч. - С.197.
 32. Выродов Б.Л. Колесников Владимир Прокофьевич (к 70-летию со дня рождения). Армавир. Памятники истории и культуры. - Армавир, 1972. - С.18.
 33. Ктиторов С.Н. Указ. соч. - С.197.
 34. Государственный архив Краснодарского края. Ф.573. Оп.1. Д.44. Л.46.
 35. Ктиторов С.Н. Указ. соч. - С.194-195.
 36. Там же. - С.198.
 37. Государственный архив Ставропольского края. Ф.135. Оп.56. Д.355. Л.12об; Оп.74. Д.894. Л.1,5об; Оп. 54. Д.532. Л.33,49; Оп.69. Д.993. Л.3. (Далее ГАСК); Архив муниципально-унитарного предприятия Бюро технической инвентаризации г. Армавира. Довоенные фонды. Поквартальный журнал № 89. Подворная ведомость домовладения по ул. Пролетарской № 46. (Далее Архив МУП БТИ г. Армавира); Справочная книга для духовенства Ставропольско-Екатеринодарской епархии. - Ставрополь, 1901. - С.143-144; Православная церковь на Кубани (конец XVIII - начало XX вв.). Сборник документов. - Краснодар, 2001. - С.296,298,305,324,554.
 38. Архивный отдел администрации города Армавира. Ф.Р-1271. Оп.1. Д.160. Док. № 8; ОК. - 1915. - № 91; Шаган-Симон. Указ. соч. - С.91,92,104; Погосян Л.А. Армянская колония Армавира. - Ереван, 1981. - С.37-38.
 39. Архив МУП БТИ г. Армавира. Довоенные фонды. Поквартальный журнал № 122. Подворная ведомость домовладения по ул. Энгельса № 27; Квартал № 122. Д.2449. Л.1-2.
 40. Архив МУП БТИ г. Армавира. Довоенные фонды. Квартал № 88. Д. 2412; Города России в 1904 году. - СПб., 1906. - 7 паг. - С.260; ОК. - 1913. - № 192,261; Князева Е.Е., Соловьёва Г.Ф. Лютеранские церкви и приходы в России XVIII - XX вв.: исторический справочник. Ч.1. - СПб., 2001. - С.51.
 41. Архив МУП БТИ г. Армавира. Довоенные фонды. Поквартальный журнал № 102. Подворная ведомость домовладения по ул. Пугачёва № 25; КК. - 1913. - № 141.
 42. Ктиторов С.Н. Указ. соч. - С.202.
 43. КК. - 1912. - № 139.
 44. ГАСК. Ф.135. Оп.73. Д.769. Л.1-1об.
 45. ОК. - 1914. - № 168,176,179,256.
 46. Бокова Н.А. Из истории ИДО-движения и Армавирской организации друзей международного языка ИДО в первой трети XX в. // Историко-археологический альманах. Вып.8. - Армавир-М., 2002. - С.177-178.
 47. Капустянский А. Полный самоучитель международного языка ИДО. Вып.2. - Армавир, [1913]. - С.32.
 48. Ктиторов С.Н. Указ. соч. - С.202.
 49. ОК. - 1913. - № 110.

С.А. Дударев, Ю.Ю. Клычников, С.С. Лазарян
(г. Армавир, г. Пятигорск)

**РОЛЬ РОССИЙСКИХ ГОРОДОВ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА
В СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ АДАПТАЦИИ ГОРСКОГО
НАСЕЛЕНИЯ К ПРОЦЕССАМ МОДЕРНИЗАЦИИ
(конец XVIII - начало XX вв.)**

Урбанизация Северного Кавказа приобретает реальные очертания в XVIII в. С 70-х годов этого столетия российские власти стали создавать Кавказскую кордонную линию, стремясь протянуть её «от моря до моря и тем самым прочно закрепиться в регионе» [1]. Таким образом, государственной волей размечался северокавказский «фронтир».

Следует, однако, подчеркнуть, что зарождавшаяся и развивавшаяся коммуникация между имперским миром и миром кавказских горцев, не может сводиться только к линии, представлявшей собой череду кордонных укреплений, казачьих станиц, дозорных башен или постов, вдоль которой и на которой происходили военные столкновения. В данном случае мы разделяем важное мнение американского исследователя Т.М. Барретта, привлёкшее внимание ряда российских историков, который справедливо считает, что российское продвижение через Северный Кавказ нельзя сводить к простому завоеванию. Оно было также процессом образования «фронттира» - приграничной, порубежной зоны, - включавшим внутреннюю и внешнюю миграцию большого числа населения, оседание на новых местах, образование новых сообществ и отказ от таковых старых. В пространстве нововозникшего «фронттира» этнокультурные границы оказывались зыбкими: народы часто меняли своих союзников [2].

Нам видится, что процесс становления северокавказской окраины Российской империи невозможно описать во всей полноте его проявлений, если не касаться рождения новой социальной идентичности, межэтнических отношений, изменений психологии местных кавказских народов, которые происходили под влиянием новых ценностей, привнесённых в горскокавказскую среду извне, и разбивших его вековую замкнутость и гомогенность. Нельзя понять развития и состояния регионального хозяйства и материальной культуры, изменения прежних и становления новых ландшафтов, влияния этих перемен на все стороны социальности, имевшей место в регионе, вне контекста интеграции его народов в состав России.

На Северном Кавказе, ставшем пространством пограничья, зоной соприкосновения разных миров, развивались (особенно интенсивно с XVIII в.) неоднозначные процессы, в которые были вовлечены люди разного этнического происхождения, люди, представлявшие общности раз-

ной стадии цивилизационного развития, где, по мнению того же Т.М. Барретта, переплетались воздействие на окружающую среду, культурное смешение, социальная стратификация и конструировалось новое социальное мифотворчество.

Российские власти радикальным образом изживали фронтирную неопределённость кавказского географического пространства, стремясь показать кавказским народам всю силу нового для них строя жизни, его позитивную преобразующую мощь, способную вырвать их из мира жестокого средневековья и родоплеменных распрей. Российские власти стремились создать в крае новые основы материального существования, новые основы быта, возводимые на фундаменте русско-европейской культуры [3].

Здесь можно согласиться с мнением американских исследователей В. Кроунона, Дж. Майлза и Дж. Гитлин, что известное «пограничное» напряжённое состояние между воспроизведением старого и усвоением нового воплотилось, в том числе, и в ландшафте новых поселений, которые всё более напоминали европейские (русские - авт.), и в новых политико-экономических условиях всё лучше адаптировались к экосистемам кавказского мира [4].

В плоскостных районах Северного Кавказа российской стороне удалось достичь больших успехов по переформатированию фронтирной неопределённости в среду обитания имперского мира, чем в горно-лесных территориях, заселённых по преимуществу горскими автохтонами.

Благодаря тому, что равнинные и степные территории были заполнены большими по численности и компактно располагавшимися русскими поселениями, российский способ жизнесуществования здесь пустил корни достаточно быстро [5]. Имперским силам в данной среде надо было только привести в определённый порядок новоформируемый социум своей имперской периферии.

Кроме того, масштабность задачи предполагала этапность в реализации модернизационного проекта, части которого можно условно разделить на имперский, советский и постсоветский периоды.

На начальном этапе нужны были не только материальные средства, но также носители имперских устоев и духа империи, которые своим примером могли увлечь и приучить горцев к новым ценностям и поведенческим стереотипам. Ими стали те славянские (шире - христианские) переселенцы, которые добровольно или волей имперской власти оказались на формирующейся южной окраине страны, имевшей все признаки фронта с его пространством неопределённости, межкультурного взаимодействия и взаимовлияния, формирующимися коммуникациями идентичностей в формах диалога или конфронтации. Тогда перед российской стороной встала стратегическая задача не только принести на осваиваемую тер-

риторию новые для неё базовые социально-политические институты, но ещё и добиться того, чтобы в поддержании и воспроизводстве их оказались заинтересованы туземные народы [6].

С 80-х гг. XVIII века на Северном Кавказе за охранной линией укреплений началось строительство десятков новых русских поселений. После того как армия и линия казачьих станиц и постов отодвигали военное пограничье всё дальше от сельских и городских поселений, занятых российскими колонистами, пространство «фронттира» начинало усиленно преобразовываться в соответствии с имперскими русско-европейскими стандартами. В то же время русско-европейский облик городов и сельских поселений не мог не испытывать сильного ориенталистского влияния, особенно на ранних этапах становления, когда значительная часть населения таких городов, как Кизляр, Моздок, Георгиевск, Владикавказ и даже наиболее «русский» Ставрополь, представляла пёструю смесь разнообразных народов восточного происхождения [7].

Продвигаясь дальше на юг к горам Большого Кавказа и к побережью Чёрного и Каспийского морей, северокавказский «фронтир» всё более преобразовывался и становился русско-имперским пространством. Существовавшая неопределённость его социально-культурного формата изживалась посредством культурного доминирования элементов русско-европейского происхождения, имевших разнообразные оттенки восточных вкраплений. Эти восточные мотивы, например, присутствовали во фрагментах социального поля, представленного этнокультурными диаспорами, располагавшимися в отдельных районах или частях городских поселений [8]. При этом и внешний облик опорных российских пунктов на Северном Кавказе был наделён более мусульманскими, нежели христианскими чертами [9].

Неопределённость также была связана с этническими сдвигами среди местных народов: с движением осетин и ингушей с гор в предгорья и на равнины [10]; с массовым исходом за пределы Северо-Западного Кавказа черкесов и ногайцев; с переселением значительной части армян, грузин, а также христианских народов, ранее проживавших на территории Османской империи на Северный Кавказ [11] и т.п. А как только утвердилось постоянное российское присутствие вдоль Терека, туда стали выбегать горские общинники и рабы.

Формировавшиеся северокавказские города постепенно становились форпостами и центрами межэтнического взаимодействия, своеобразными этнокультурными плавильными котлами, в которых скапливались представители многих автохтонных народов, например, приходили на сезонные работы наёмные работники с гор (в середине XIX в. в Кизляре проживали с весны до осени от 20 до 25 тыс. горцев). Таких людей в простран-

стве фронта было настолько много, что потребовалось создать особое учреждение для «попечительства» над приходящими в город мирными горцами. Ещё около 15 тыс. ногайцев работало на крупных землевладельцев и казаков в Кизлярском уезде. Во время проведения ярмарок и по базарным дням количество представителей горских народов в городах и казачьих станицах ещё более выросло [12].

Именно через данные хозяйственные центры ретранслировались имперско-русские социально-культурные смыслы жизнедеятельности, примеры успешного и созидательного жизнесуществования, в какой-то степени - образцы той перспективы, которую несла за собой имперская колонизация. Именно здесь часть горцев приобретала опыт взаимодействия с инокультурными субъектами в условиях, которые выходили за рамки их традиционности: их социокультурная локальность взламывалась, а мировоззрение начинало приобретать ту пластичность, которая необходима для жизни в пространстве неустойчивого развития.

В силу того, что северокавказский «фронт» был не просто пространством неопределённости, но также пространством переходности и этапности, которое возникло в обстоятельствах жёсткого противоборства и неуступчивости, все участники, вовлечённые в данный процесс, были заинтересованы любыми средствами добиваться однозначности форм и способов своего существования в рамках естественной для себя этнокультурной парадигмы.

Российская сторона как инициатор и создатель фронтности пыталась преодолеть неизбежно возникшую неопределённость всеми способами, в том числе военными. Победы русского оружия предопределили конечное изживание ситуации «фронта». Неуступчивые и активно сопротивлявшиеся селения горцев либо уничтожались русскими войсками, либо вожди горских обществ сами переносили их в глубины гор, тем самым, расчищая пространство для инноваций, в том числе и поселенческих.

Разрушение традиционности и архаики происходило и под воздействием усилий горских реформаторов. Имамат, созданный Шамилем, и его предшественниками ломал привычные ценности, присущие горскому изоляционизму. Заявляя о своей непримиримости «миру гяуров», глава мюридов фактически вместе с ними решал задачу по изменению жизни на Кавказе, расчищая завалы на пути к модернизации. Есть мнение о том, что имамат Шамиля являлся восточно-исламским вариантом модернизации, явившимся альтернативой европейско-христианскому, воплощавшемуся Российской империей [13]. Он, в отличие от исторических примеров вестернизации восточных государств, опирался на сугубо исламские ценности [14]. Впрочем, не следует забывать и суждений о том, что «победа мюридистско-шариатского движения привела бы к не только независимо-

сти от России, но и к ещё большему отставанию от модернизационных процессов в мире» [15].

Отмечая борьбу двух модернизационных проектов на Северном Кавказе - исламского и российского, Е.А. Норченко и С.А. Айларова отмечают, что «российская империя продемонстрировала и увлекла определённую часть представителей горских элит увлекающими образцами достатка и роскоши, которые к середине XIX столетия сделались весьма притягательным соблазном для многих горских владельцев. Кроме того, в ситуации внутреннего социального напряжения в горской среде, которое развивалось под воздействием исламского демократизма, горские традиционные элиты могли надеяться на сохранение своего статуса и влияния только в рамках российской сословно-иерархической государственности» [16].

Неопределённость вела арьергардные бои, но неизменно, хотя и медленно, отступала. Долше всего сопротивлялся Северо-Восточный Кавказ, который, несмотря на поражение 1859 г., не спешил отменять своей традиционности. В это время Северо-Западный Кавказ достиг однозначности русско-европейской цивилизационной парадигмы после массового исхода местного населения за его пределы в 50-60-х гг. XIX в. и такого же массового заселения выходцами из других имперских пределов. Преодоление неопределённости было весьма драматичным и болезненным явлением, приведшим к резким изменениям в этносфере региона, кардинально изменившим всю прежнюю систему этнических связей [17].

Подавив сопротивление той части горцев, которая была противником интеграции с Россией, вооружённой рукой, укрепившись на морских побережьях, а также покорив неприступные прежде горные ущелья, российская сторона исчерпала тем самым географическое пространство северокавказского «фронта».

Не менее трудной и важной задачей было переформатирование этносоциальной, этнокультурной, хозяйственно-экономической и политико-правовой сущности новоприобретённого пространства, переживавшего длительный период состояния пограничности и долговременной неопределённости в направлении имперской однозначности.

Этот этап в различных частях Северного Кавказа проходил в разном темпе, доминанта выявлялась постепенно. Преобразовательные успехи в публичной, административно-хозяйственной сфере обгоняли преобразовательные достижения в сфере ментальной. Бастионами неуступчивости оставались области традиционного существования, имевшие корни в особенностях социокультурной и климатогеографической среды, отменить или переменить которые не представлялось возможным.

Пространство пограничности, пространство «фронта» постоянно сокращалось, но приходится констатировать тот факт, что оно, при всех

усилиях центральной власти, всё же, не было изжито окончательно. После острой фазы непримиримых форм коммуникативности последовала фаза притирки и приспособления пристрастных участников прошлого противостояния, принимавшего вид постепенно терявшего холодность взаимодействия либо упорствующей в ненависти локальной замкнутости [18]. Однако линии раздела всё больше истончались, а ситуация пограничной неоднозначности и переходности сменялась имперским доминированием, оставляя «фронтиру» лишь то и столько пространства, где «свой» мир и мир «другого», где мир России и мир Кавказа хранили свою «самость» и не могли допустить изменений, чтобы не потерять своей фундаментальной первоосновы [19].

В эпоху развития капитализма урбанизм почти автоматически становится модернизацией. Города открывают в данных условиях наиболее широкие возможности для экономического развития, способны обеспечить комфортное и достойное существование. Это привлекает мигрантов из депрессивных территорий. Не имея представления об урбанизме как естественном и необходимом способе существования в городах, но увлечённые жаждой лучшего обустройства под солнцем, мигранты вынуждены мириться со статусом непрошенных гостей.

Город формирует (часто спонтанно) совокупность районов, отличающихся друг от друга своими социальными характеристиками, которые конкурируют друг с другом, а дух соперничества доминирует над сотрудничеством. В местах компактного проживания мигрантов сохраняются традиционные типы связей между семьями. Теневая, неформальная структура сохраняет большую сплочённость в системе жёсткой модальной солидарности, а потому способна мобилизовать своих членов на жёсткое противостояние с более рыхлым урбанизированным социумом, строящим свою коммуникационную систему в рамках индивидуализма.

Теперь уже все социокультурные группы, давно лишившиеся императивной модальности обычного права и существования в неписанных рамках неформальных структур, так называемые горожане-старожилы, воспринимают присутствие автохтонов-мигрантов не только как угрозу своему существованию, но как угрозу существованию урбанизма как такового. Многоаспектная сложность урбанизма вдруг упрощается, примитивизируется традиционностью, что в свою очередь вызывает отторжение и неприятие иммиграции, а также связанной с нею социокультурной составляющей.

Линия раздела, фронтирность не только не изживается, но, подпитываясь новыми страхами, мифами или предрассудками, делается устойчивой повседневностью городского существования.

С другой стороны, автохтоны-мигранты постепенно привыкают к толерантным стратегиям жизни в урбанизированном пространстве, если мо-

дальние коды их культурной структуры с течением времени теряют свою силу, размываются и замещаются новыми смыслами и ценностями, отстоящими на каком-то расстоянии от породившей их традиционности.

Урбанизм постепенно переформатирует их жизненные установки. Повседневная жизнь в городской среде с характерной для неё полифункциональностью, поликультурностью и поликоммуникационностью постепенно отодвигает традиционность от центра поведенческих мотиваций горожан-неофитов, добиваясь согласия на подчинение доминирующим образам и смыслам урбанизированной среды.

Разнообразие незнакомых людей, широкие вариации образа жизни и интересов становятся необходимостью. Даже там, где сохраняются социальные группы так называемых «городских селян», чьи повседневные связи основываются на тесной дружбе или родстве, обновление достигает высокого уровня и устойчивости.

Ассимилируя и адаптируя новые для себя смыслы и ценности урбанизма, автохтоны-мигранты опытным путём приходят к осознанию, что жизнь в урбанизированном пространстве взаимообусловлена и взаимосвязана со всеми другими социумами городского пространства. Потому для них открывается истина, что путь нормальной адаптации, не требующей постоянной мобилизации, лежащей за пределами состояния вражды - это путь дифференциации, специализации социокультурных групп и профессиональных ролей.

Город формирует сообщество людей, построенное на совершенно иных принципах, чем сельский традиционный социум. Личные и неформальные отношения традиционного общества вынуждены уступать место личностно неакцентированным системам оценки, в системе которых обращается внимание в первую очередь на исполняемые в обществе специализированные функции.

Как только автохтоны-мигранты начинают строить основания своих жизненных установок в соответствии с этими новыми подходами, а также, сообразуясь с критериями цены и прибыли или конкуренции, они перестают быть чужеродными идентичностями в пространстве урбанизма, и императивная фундаментальность традиционализма отступает на второй план.

Семейные чувства и связи, возникающие из длительного совместного проживания в рамках одной традиционной культуры, исчезают или, по меньшей мере, существенно ослабевают. Конкуренция и формальные механизмы контроля обеспечивают замену тех отношений солидарности, на которые опирается традиционное общество. Социальный порядок во многом регулируется профессиональным этическим кодом.

В силу доминирования в городском пространстве рациональных начал население городов приучается использовать других людей для достижения

своих собственных целей. В этих условиях индивид в определённой мере освобождается от контроля со стороны приближенных к нему групп, но вместе с тем теряет возможность спонтанного самовыражения и ту мораль, которая характерна для интегрированного (традиционного) сообщества.

Человеческие отношения и социальные роли в значительной степени в урбанизированном пространстве сегментируются. Горожане для удовлетворения своих потребностей вынуждены зависеть от большего количества людей, чем сельские жители. Город разрушает традиционные социальные барьеры, но при этом порождает гораздо более сложную социальную стратификацию, чем интегрированные традиционные сообщества. При этом социальная сегментация углубляет и обостряет дифференциацию групп по различным основаниям (например, по уровню дохода и статусам) и усиливает отчуждение между людьми. Определённая степень отчуждённости становится маркером уже урбанизированных структур, в которые всё более вписываются мигранты.

При оценке урбанизации как процесса переформатирования всех сторон социокультурных проявлений общежития следует оценивать их более позитивно, чем негативно.

Примечания

1. Крепости Азово-Моздокской линии. - Пятигорск: Пятигорский государственный технологический университет, 2003.

2. Барретт Т.М. Линии неопределённости: северокавказский «фронт» России // Американская русистика: вехи историографии последних лет. Императорский период. - М., 2000. - С.164-165.

3. Барнаш А.В., Лазарян С.С. Очерк культурного развития Северо-Кавказского края: начало XIX - начало XX вв. - Пятигорск, 2006. - С.9.

4. Цит. по: Барретт Т.М. Линии неопределённости: северокавказский «фронт» России // Американская русистика: вехи историографии последних лет. Императорский период. - М., 2000. - С.169.

5. Кабузан В.М. Население Северного Кавказа в XIX - XX веках. Этностатистическое исследование. - СПб., 1996. - С.32-87.

6. Денисова Г.С., Уланов В.П. Русские на Северном Кавказе: анализ трансформации социокультурного статуса. - Ростов-на-Дону, 2003. - С.40; Цуциев А.А. Атлас этнополитической истории Кавказа (1774-2004). - М., 2006. - С.33-36.

7. Никитин Н.И. Русская колонизация с древнейших времён до начала XX века (исторический обзор). - М., 2010. - С.120; Соснина Е.Л. Два путешествия в золотой век. - Пятигорск, 2003. - С.275.

8. Виноградов В.Б. Средняя Кубань: земляки и соседи (формирование традиционного состава населения). Книга регионоведческих очерков / под ред. В.Л. Янина. - Армавир, 1995; Канукова З.В. Диаспоры в Осетии: исторический опыт жизнеустройства и современное состояние. - Владикавказ, 2009.

9. К таковым относится, например, крепость Грозная в середине XIX в. с расположенными напротив неё аулами со своими минаретами и пирамидальными тополями (Головлев А.А. Этапы и факторы формирования населения г. Грозного (1818-1998 гг.) // Известия Российского географического общества. - 2000. - Т.132. - С.74).
10. Берозов Б.П. Переселение осетин с гор на плоскость (XVIII - XX вв.). Орджоникидзе, 1980; Цориева И.Т. Пути исповедимые... Из истории основания равнинных поселений на Кавказе в конце XVIII-XIX вв. - Владикавказ, 2010 и др.
11. Северный Кавказ с древнейших времён до начала XX столетия (историко-этнографические очерки) / под ред. и с предисловием В.Б. Виноградова. - Пятигорск, 2010. - С. 48-49, 56, 60, 186-187 и др.
12. Фадеев А.В. Очерки экономического развития степного Предкавказья в дореформенный период. - М., 1957. - С.168-169.
13. Клычников Ю.Ю. О некоторых дискуссионных проблемах северокавказской истории глазами исследователей научно-педагогической Школы В.Б. Виноградова // Российский Северный Кавказ: проблемы социально-политического развития и исторического выбора. Материалы 18 семинара Кавказоведческой Школы В.Б. Виноградова. - Армавир, 2013. - С.8.
14. Урушадзе А.Т. Имамат Шамиля и танзимат Османской империи - два типа модернизации // Былые годы. - № 4. - С.10-12.
15. Дударев С.Л. К изучению специфики интегративного процесса у народов Северного Кавказа и Большой России в XVIII - начале XXI века. - Армавир, 2013. - С.27-28.
16. Норченко Е.А., Айларова С.А. Модернизация Северного Кавказа в 20-50-е годы XIX века. - Владикавказ, 2013. - С.260.
17. Гудаков В.В. Северо-Западный Кавказ в системе межэтнических отношений с древнейших времён до 60-х годов XIX века. - СПб., 2007. - С.547-550.
18. Айларова С.А., Кобахидзе Е.И. «Будущие дети России...»: Проблема интеграции в административной практике и общественном сознании (Центральный Кавказ конца XVIII - начала XX вв.). - Владикавказ, 2011. - С.256-284.
19. Российскость: понятие, содержание, историческая реальность. - Армавир, 1999; Вопросы северокавказской истории. Вып.7. «Российскость» в истории Северного Кавказа / под ред. В.Б. Виноградова. - Армавир, 2002; Великая Н.Н. Российскость как парадигма изучения российско-кавказского единства // Актуальные и дискуссионные проблемы истории Северного Кавказа. Южнороссийское обозрение. № 45, 2007 / отв. ред. В.В. Черноус. - Ростов-на-Дону, 2007. - С.88-101; Лики российскости. Материалы научно-педагогических семинаров Кавказоведческой Школы В.Б. Виноградова. 2009-2010 гг. (семинары №№ 14 и 15). - Армавир; Ставрополь, 2010 и др.

В.В. Бондарь
(г. Краснодар)

ПОЛИЭТНИЧНОСТЬ ЕКАТЕРИНОДАРА КАК ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ АРХИТЕКТУРНОГО ОБЛИКА ГОРОДА (1860-х - 1917 гг.)

В 1867 году было законодательно оформлено превращение войскового города Екатеринодара в гражданский город с общими для всех городских поселений Российской империи принципами управления и сословным составом населения.

Ещё в 1860 году, с образованием Кубанской области и Кубанского казачьего войска, Екатеринодар стал административным центром более обширной, чем бывшая Черноморья, территории и более многочисленного, чем бывшее Черноморское, Кубанского казачьего войска. Кроме того, окончание в мае 1864 года войны на Западном Кавказе означало для Екатеринодара долгожданную возможность мирного развития. Перечисленные обстоятельства и подтолкнули правительство к снятию ограничений на право оседлого жительства и владения недвижимости лиц всех сословий империи, что и было закреплено изданием «Положение о заселении и управлении города Екатеринодара» 8 июня 1867 года [1].

Преобразование Екатеринодара в гражданский город повлекло за собой бурный рост численности его жителей и усложнение этнического состава местного населения. Если в 1868 году в Екатеринодаре проживало 8,3 тысяч человек, то к 1871 году это число увеличилось до 17,6 тысяч, в 1880 году екатеринодарцев было уже 27,7 тысяч, в 1886 году – 37,8 тысяч, а в 1895 - 79,3 тысячи [2]! К началу XX столетия темпы роста численности населения спали, но постепенно к 1913 году число горожан достигло 100 тысяч [3]. В 1917 году в столице Кубанской области обитало 106 тысяч человек [4]. В дореволюционном Екатеринодаре, помимо основного большинства русских, формируются достаточно крупные этнические группы армян, немцев, поляков, евреев, греков, чехов и др. Многонациональная и поликонфессиональная среда населения города оказала заметное влияние на специфику застройки и архитектурного облика столицы Кубани.

Быстрый приток населения в 70-80-х гг. XIX века, возможность приобретать недвижимость и застраивать вновь отводимые территории обусловили проникновение и развитие в городе торгового и промышленного капитала, разрастание городской инфраструктуры.

Темпы роста занимаемой Екатеринодаром площади и числа кварталов можно обозначить следующими цифрами: в 1867 году город занимал 530 га при 173 кварталах, в 1907 году - 1147 га при 369 кварталах, а в 1912 го-

ду - 1260 га при 370 кварталах. Очевидно, что если до 1907 года рост числа кварталов был пропорционален росту занимаемой городом площади, то в 1907-1912 гг. площадь увеличивалась за счёт отдалённых от города небольших поселений, не входящих в улично-квартальную сеть - Свиного хутора, посёлков при кожевенных и кирпичных заводах.

Возрастание темпов застройки в начале XX века объяснилось общим ростом экономического потенциала Екатеринодара, пуском электрического трамвая, постепенным расширением сети трамвайных линий, а с 1909 года - ажиотажем вокруг Майкопских нефтяных месторождений. Утрата Екатеринодаром статуса войскового города, стремительный рост численности населения, бурное развитие торговли и промышленности обусловили не только резкое увеличение темпов застройки города, но и качественное изменение характера этой застройки.

К числу наиболее значимых построек в Екатеринодаре 70-х гг. XIX столетия следует отнести здания Кубанского женского Мариинского училища, Кубанской войсковой гимназии и войсковой тюремный замок.

Двухэтажное здание Мариинского училища, построенное в сентябре 1870 г. По проекту архитектора Е.Д. Черника, протянулось почти на весь квартал по Посполитакинской (ныне - Октябрьской) улице на юг от пересечения её с Почтовой (Постовой). В здании это, состоявшем из 54-х внутренних помещений, располагались, помимо учебных комнат, дортуары для воспитанниц и квартиры для преподавателей. При здании был сооружён местный водопровод, на второй этаж вода подавалась насосом. Экстерьер постройки был предельно прост: этажи на всех фасадах разделены междуэтажным карнизом, три ризалита симметричного главного фасада завершены классическими треугольными фронтонами с заглаблёнными тимпанами.

К 1871 году относится построенное по проекту архитектора В.А. Филиппова на главной улице Екатеринодара - Красной - двухэтажное (через несколько лет был надстроен третий этаж) здание общественного собрания. Известно, что здесь был огромный танцевальный зал. Здание сохранилось, но, сильно пострадав от бомбёжек и обстрелов во время Великой Отечественной войны, было основательно перестроено.

Монументальное, решённое в приёмах классицизма двухэтажное здание Кубанской войсковой гимназии было построено по проекту архитектора В.А. Филиппова в 1876 году. Постройка, обращённая главным фасадом к улице Красной, занимала значительную часть отведённого гимназии квартала (сейчас на этом месте стоит здание администрации Краснодарского края - ул. Красная, 35). Судя по сохранившимся изображениям, постройка была симметричной, с круглым в плане центральным объёмом, завершённым плоским сферическим куполом (после открытия домовый

церкви был сооружён высокий купол, увенчанный луковичной главкой) и акцентированным со стороны улицы выступающим плоским ризалитом.

Одновременно со зданием гимназии за юго-восточной границей Екатеринодара (ныне ул. Воронежская) был сооружён «войсковой тюремный замок». Как следует из книги В.П. Бардадыма «Зодчие Екатеринодара», в проекте этого комплекса построек были учтены все европейские новшества в области строительства тюрем, в первую очередь Моабитской тюрьмы в Берлине и Пенсильванской - в Лондоне. Рассчитанный на 450 заключённых, войсковой замок состоял из пяти корпусов, расположенных полукругом; в центре находился восьмигранный павильон, соединённый с корпусами коридорами.

В 1886 году было завершено строительство по проекту В.А. Филиппова здания женской гимназии (ныне здесь располагается гимназия № 36 - ул. Красноармейская, 52). Монументальное, с богатой пластикой уличного фасада, выходявшего на площадь Войскового Александро-Невского собора, оно сразу стало одним из акцентов в застройке центральной части Екатеринодара.

В сходной манере (псевдоклассицистическая композиция, эклектичное, с преобладанием классицистических элементов, решение фасадов) в Екатеринодаре было выстроено ещё несколько зданий: Кубанского окружного суда, Кубанского областного правления, Екатеринодарского отделения Государственного банка Российской империи.

К 1888 году относится сооружение триумфальной Александровской арки на пересечении Екатерининской и Котляревской (ныне, соответственно, ул. Мира и ул. им. Седина). «Царские ворота», как называли триумфальную арку, были построены по случаю приезда в Екатеринодар императора Александра III с августейшей семьёй. Проезжая от вокзала к центру города по Екатерининской улице, императорский кортеж не мог миновать этот подарок, «преподнесённый» екатеринодарским купеческим обществом. Автор проекта В.А. Филиппов решил арку в «русском национальном» стиле.

В 1894 году на Крепостной площади был построен двухэтажный дворец наказного атамана Кубанского казачьего войска и начальника Кубанской области. Автор проекта, Н.Д. Малама, сделал это небольшое по размерам здание довольно монументальным и даже помпезным. Во-первых, дворец, окружённый каменной оградой, был лишён соседства с другими постройками и организовывал пространство будущего Атаманского сквера и дворцового парка. Во-вторых, подчёркнуто монументально выглядел богато декорированный главный фасад: архитектор явно подражал стилю «платереско» - вычурному испанскому варианту решения фасадов в эпоху Ренессанса. В-третьих, помимо главного западного, декорированы были и остальные фасады, хотя и значительно скромнее.

Декоративистские проявления «русского национального» стиля (в первую очередь в решении фасадов), то есть псевдорусский стиль, отчётливо обозначен в архитектуре нескольких построек. Это здания бани Лихацкого, Епархиального женского училища и Кубанской Общины сестёр милосердия.

Трёхэтажная торговая баня М.М. Лихацкого на Длинной улице была построена в 1893 году по проекту Н.Д. Маламы. Здание имело паровое отопление и внутренние водопроводные системы для горячей и холодной воды, снабжавшиеся из специально вырытого артезианского колодца. Кроме того, сооружение было электрифицировано. Композиционная идея постройки довольно проста, но заслуживает внимания богатая пластика уличного (северного) фасада.

Здание Епархиального женского училища, сооружённое в 1901 г. по проекту В.А. Филиппова, было одним из лучших построек в Екатеринодаре. «По величине своей и архитектурной красоте оно занимает первое место в городе, уступая только, быть может, помещению, занимаемому Окружным судом, да и то в отношении величины, и являясь, таким образом, ценным украшением этой части города», - писали «Кубанские областные ведомости» [5]. Центральный ризалит главного западного фасада этого здания, построенного в самом начале Котляревской улицы (ныне ул. Седина, 4), акцентирующий центральный объём сооружения, выходит на «Т»-образный перекрёсток, завершая перспективу улицы им. Пушкина (бывшей Крепостной). На уровне третьего этажа по оси в полуциркульном оконном проёме помещался витраж, изображающий крест, в нише над проёмом находилась икона Казанской Божией Матери (внутри здания находилась домовая церковь). Завершался центральный объём высокой «теремной» кровлей с высоким рельефным гребнем. По центру крыши находился небольшой барабан с луковичной главкой, увенчанной крестом.

Самым ранним произведением архитектуры модерна в Екатеринодаре следует считать здание Общества взаимного кредита, построенное в 1906 г. по проекту В.А. Филиппова на Базарной (ныне - им. Орджоникидзе) улице. Конечно, «модерновые» мотивы использовались екатеринодарскими архитекторами и раньше, но лишь в качестве элементов эклектических по сути фасадов. Названная же постройка являла собой чистый модерн, причём в его ранней, «романтической» форме: небольшое одноэтажное здание, расположенное возле садика «Варьете», не смыкалось торцовыми стенами с соседними сооружениями и как нельзя лучше соответствовало принципу «примата пространства над объёмом». Модерн отчётливо проявился и в решении главного (южного) фасада: форма окон, дверей, сложной формы аттика, орнамент наличников, пространства под венчающим

карнизом, кованного парапета крыши, кронштейна надкрылечного зонта. Кроме того, не лишены декора были и дворовые фасады.

В 1912 году это здание было разобрано и на его месте Общество взаимного кредита начало строительство своего нового, трёхэтажного помещения - по проекту архитектора Н.М. Козо-Полянского. Завершённая в 1913 году постройка представляла собой пример стилизаторского направления модерна. Спроектированный М.И. Рыбкиным главный (южный) фасад здания был асимметричным, несмотря на два фланкирующих центральную плоскость фасада ризалита. Плоскость эта решена в «палладианской» манере: первый этаж, прорезанный высокими полуциркульными окнами, воспринимается как мощный цоколь, несущий два верхних этажа, которые зрительно сливаются благодаря приёму «колоссального ордера» с трёхчетвертными дорическими колоннами, что обеспечивает большую площадь остекления. На уровне междуэтажного пояса на фланкирующих ризалитах лопатках размещены энергично вынесенные кронштейны, на которых помещены скульптурные изображения Фортуны и Меркурия, одинаковые на обоих ризалитах. На обоих ризалитах находятся трёхчастные входы в здание, над которыми помещены майоликовые панно со сценами из истории Древнего Рима. Цветные панно из глазурованной керамической плитки помещены на плоскости лопаток под венчающими ризалиты карнизами. Выше карнизов находятся ступенчатой формы аттики, украшенные лепными деталями: маскаронами, геральдическими щитами и венками. На восточном аттике, венчающем примыкающую к восточному ризалиту плоскость фасада, помещено скульптурное изображение лежащего льва.

Не менее значимым в истории екатеринодарской архитектуры является здание Зимнего театра, построенного в 1909 году по проекту академика архитектуры Ф.О. Шехтеля на пересечении улиц Красной и Гоголевской. По сведениям В.П. Бардадыма, проект был составлен ещё в 1897 году для Народного дома в Москве, но ввиду разных обстоятельств не был осуществлён [6]. В 1907-1908 гг. екатеринодарские купцы В. Гуренков и Н. Болденков купили этот проект, и академик Шехтель поручил строительство Зимнего театра своему ученику и помощнику А.А. Козлову и инженеру И.С. Жуйкину. Монументальное четырёхэтажное «Г»-образное здание с закруглённым малым радиусом углом имело в своей основе железобетонный каркас. Внутри находился многоярусный зрительный зал на 1500 мест, вестибюль с гардеробом на первом этаже, фойе на втором и третьем этажах, множество служебных помещений. Южный и восточный уличные фасады были решены в стиле модерн, при минимуме декора и максимальной тектонической выразительности. На уличных фасадах были помещены лепные детали - рельефные панно, год закладки здания (римскими

цифрами - MCMVIII) и панно с текстом, в котором перечислялись великие композиторы и драматурги.

В 1911 году рядом со зданием Зимнего театра было завершено строительства трёхэтажного дома Армянского благотворительного общества, в котором расположилось Второе реальное училище. Торцовые плоскости обеих построек смыкались. Архитектор И.К. Мальгерб сделал главный (восточный) фасад этого здания, имеющего простую внутреннюю планировку коридорного типа, эклектичным и вычурно декорированным: здесь были использованы приёмы «колоссального» (пилястры) и «малого» (трёхчетвертные колонны) ордеров, рустовка плоскостей на уровне первого этажа, щедрый лепной орнамент на уровнях второго и третьего этажей. Над центральным объёмом здания находилась пирамидальная главка на барабане, увенчанная крестом - этот элемент постройки, выполненный в мотивах ранних армянских церквей, означал, что в здании находится домовая церковь.

Годом раньше Зимнего театра открылся театральный сезон в перестроенном по проекту архитектора З.П. Коршевца деревянном Летнем театре в Городском саду. Старое здание, построенное в конце 1880-х гг., было значительно увеличено в объёме, в зрительном зале был устроен второй ярус и число мест достигло полутора тысяч. Незаурядным был и внешний облик здания - это была своеобразная романтическая версия «русского национального» стиля.

Стилизаторское направление эклектики в архитектуре общественных зданий Екатеринодара использовало в решении фасадов элементы не только вышеназванных ренессансного стиля, барокко, «русского национального» стиля и классицизма, но и романские и готические мотивы. Так, в 1910 году по проекту А.А. Козлова было перестроено, с псевдоготической трактовкой уличных фасадов, здание гостиницы «Центральной» (отель «Централь») на пересечении Красной и Гимназической улиц. При перестройке был добавлен третий этаж, в конструкцию здания внесены стальные каркасные элементы. Композиционным центром является угловой закруглённый эркер на уровне второго и третьего этажа, зрительным основанием которого служит бетонный парапет энергично выступающего полукруглого балкона. На уровне третьего этажа помещён балкончик с кованым ограждением. Завершается эркер шлемовидным шестигранным куполом, увенчанным четырёхколонным фонарём со сферическим малым куполом и шпилем. Во фризовой части эркера помещён рельеф, изображающий крылатого арфиста в окружении сидящих зрителей.

В 1913 году на пересечении Котляревской и Новой улиц (ныне им. Седина и им. Будённого соответственно) было построено трёхэтажное здание коммерческого училища, в решении фасадов которого архитектор И.К. Мальгерб использовал мотивы романской архитектуры. В плане по-

стройка «Г»-образная, западный фасад занимает всю сторону квартала. Внутренняя планировка функциональна: периметральное расположение классов (учебных аудиторий) вдоль коридора.

Неординарным сооружением в стиле модерн является здание Второго общественного собрания, построенное в 1913 году по проекту М.И. Рыбкина на пересечении Бурсаковской и Соборной (ныне Красноармейская и им. Ленина) улиц. Композиционно постройка довольно сложна: она состоит из нескольких связанных между собой объёмов, имеющих различную этажность. В советское время интерьеры были частично изменены.

В тот же год, что и здание Второго общественного собрания, на Графской улице был построен двухэтажный дом, названный именем Г.А. и Н.Л. Тарасовых, пожертвовавших на строительство свои средства. Это здание выполняло общественную функцию - помещения в нём сдавались внаём, а вырученные средства шли на благотворительные цели. Архитектор Н.М. Козо-Полянский решил постройку в приёмах классицизма, но в то же время постройка далека от монументальности классицизма, декор его главного (южного) фасада не раскрывает тектоники и планировочной композиции, не объясняет функционального назначения сооружения.

В конце 1915 года на углу Рашпилевской и Карасунской улиц было завершено строительство здания Екатеринодарской почтово-телеграфной конторы по проекту архитектора графа М.Г. Барановского. Это массивное сооружение не имеет углового решения и состоит из нескольких совмещённых и архитектурно отчётливо обозначенных объёмов в форме параллелепипеда - такова была основная композиционная идея. В этом сооружении, решённом в духе позднего модерна с классицистической орнаментикой, проявились начатки будущего конструктивизма.

В этом же русле архитектурской мысли было выдержано здание армянского училища имени Б.В. Черачева, построенное в 1916 г по проекту Л.Ф. Эберга на Красной улице, со значительным отступом от красной линии. Все сооружение представляет собой комбинацию из трёх объёмов в форме параллелепипеда, расположенных на единой оси «запад - восток», с главным западным фасадом. Здание двухэтажное, с третьим аттиковым этажом в восточном объёме; имеет отчётливо выраженный высокий цоколь с поверхностью, имитирующей рустовку.

Основной фон жилой застройки Екатеринодара в 70-х гг. XIX - начале XX вв. составляли «рядовые» турлучные, саманные, реже - кирпичные жилища. Такой характер имела застройка Дубинки, Покровки, западной части Карасунского кута (р-н Кубанонабережной улицы), Свиного хутора и района Кожевенных заводов. Малочисленные «парадные» жилища строились в основном в историческом центре и своим архитектурным обликом практически не отличались от зданий общественного назначения.

Эпоха эклектики для архитектуры Екатеринодара простиралась до первых лет XX столетия, когда главенствующее положение занял модерн. В это время в столице Кубани было возведено несколько значимых в художественном отношении жилых зданий, выдержанных в эклектических приёмах. Это особняк Ф.М. Акулова (1894 г., архитектор В.А. Филиппов), М.С. Кузнецова (конец XIX в.), С.С. Бейма (конец XIX в.), Х. Богарсукова (1900-1901 гг.), доходный дом В.З. Полякова (конец XIX - начало XX вв.), особняк В.К. Рубежанского (конец XIX - начало XX вв.), дома Б.Б. Шарданова (1905 г. Архитектор Б.Б. Шарданов), А.М. Проценко (1910 г.).

Особняк купца Акулова был построен на большом плановом месте на Екатерининской улице. Во дворе, помимо жилого здания, находились служебные постройки и небольшой садик. Особняк состоит из двух сочетающихся объёмов, одно- и двухэтажного (восточного), с примыкающим в юго-восточном углу (внутри двора) круглым эркером, на котором расположен главный вход под двускатным навесом на кованых кронштейнах.

Ярчайшим произведением эклектической архитектуры в Екатеринодаре является дом купца Христофора Богарсукова, построенный в 1900-1901 гг. на Гимназической улице и выходящий на главную - Соборную - площадь города. Здание двухэтажное, в плане прямоугольное, сочетающее анфиладную и коридорную системы расположения внутренних помещений. Главный (южный) фасад симметричный, с доминирующим центральным ризалитом. При том, что правое и левое равнозначные крылья решены спокойно, ризалит, в особенности его верхняя часть, сочетает в себе массу всевозможных элементов архитектурного декора.

Вычурно декорирован и главный (западный) фасад двухэтажного дома купца Соломона Бейма, построенный в конце XIX века. Фасад симметричный, фланкированный равнозначными ризалитами, имеет междуэтажный карнизный пояс и большого выноса венчающий карниз с антаблементом. Балконы на главном фасаде поддерживаются мощными парными кронштейнами, украшенными лепкой. На торцовой стороне верхней части кронштейнов помещены львиные маски - наиболее запоминающийся элемент убранства фасада («визитная карточка» здания).

Замечательным произведением архитектуры является особняк купца Рубежанского, построенный на рубеже XIX-XX вв. на Борзиковской (ныне им. Коммунаров) улице со значительным отступом от красной линии. Постройка одноэтажная, с мезонином, в плане имеет близкую к квадрату композицию. Несколько лет назад здание, в котором сейчас размещается Торгово-промышленная палата Краснодара (ул. им. Коммунаров, 8), подверглось реставрации - были восстановлены лепные украшения интерьеров, живописные панно на плафонах и стенах, реставрирован экстерьер.

Одной из «визитных карточек» Екатеринодара и современного Краснодара являлся и является дом Б.Б. Шарданова, построенный по его собственному проекту в 1905 году. Двухэтажное здание, располагающееся на пересечении Красной и Советской (бывшей Графской) улиц, имеет отчётливо выраженное угловое решение. Два равнозначных уличных фасада - восточный и северный, - фланкированы ризалитами, два из которых, оформляющие угол, соединяются секущей углом плоскостью, являющейся центром композиции. Акцентный элемент здания - ниша двери выхода не «угловой балкон», выполненная в форме арки. Над дверью помещён треугольный фронтон, разорванный венчающей наличник деталью с маскаронном. Над нишей, по оси симметрии располагается лепной картуш с круглым медальоном, в поле которого арабской вязью написано заглавие одной и сур Корана; над медальоном – изображение звезды и полумесяца (такая символика объясняется тем, что владелец и автор проекта был мусульманином).

Некоторые жилые постройки были выполнены в мотивах «русского национального» стиля. Такими являются одноэтажный дом нотариуса А.Р. Ялового построенный в начале XX века на улице Крепостной (ныне им. Пушкина) и двухэтажный доходный дом барона Л.В. Штейнгеля на пересечении Гоголевской и Пластуновской (ныне им. Гоголя и им. Янковского) улиц. Подражание русской средневековой архитектуре выразилось в использовании поясов дентикул, форм парного арочного окна с центральной колонкой («флорентийское» окно) в организации ритма оконных проёмов на уровне второго этажа в доме Штейнгеля и решении люкарны аттика дома Ялового. Кроме того, на фасадах дома Штейнгеля находятся разрывающие карнизный пояс аттики в виде закомар. Обе постройки представляют собой и замечательные примеры «кирпичной пластики» фасадов.

В убранстве некоторых екатеринодарских зданий, например, дома И.В. Рымаревича-Альтманского, построенного по проекту владельца в начале XX в. на Крепостной улице (дом сохранился, сейчас в нём расположено несколько квартир - ул. им. Пушкина, 59) и доходного дома Х.Л. Хлебникова, построенного в те же годы на Красной улице здание разрушено в годы войны), были использованы мотивы «мавританской» архитектуры. Это направление эклектики, названное стилем «туркери», проявлялось лишь в решении фасадов, не касаясь композиции и внутренней планировки зданий. В обоих названных зданиях фланкирующие ризалиты имитируют формы пештаков - высоких порталов средневековых культовых и общественных зданий стран Ближнего и Среднего Востока. Над венчающими карнизами ризалитов находились высокие сферические купола с конусным завершением. Плоскости фасадов были украшены крупной керамической глазурованной плиткой. На оси симметрии главного (западного) фасада дома Хлебникова находился выступающий углом эр-

кер, завершённый в виде башни со сферическим малым куполом на колоннах и шпилем - такая композиция воспроизводила формы минаретов.

Дома аптекаря М.М. Каплана, особняк купца Х.И. Фотиади, дом Никифораки, доходный дом Акулова были построены по проектам одного архитектора - А.А. Козлова, но значительно отличаются друг от друга архитектурными формами. Двухэтажный дом Каплана, построенный в 1910 г. на Гимназической улице, в плане прямоугольный, со смежным расположением внутренних помещений. Главный (южный) фасад асимметричный, в четыре оси. На первой (западной) оси располагается пятигранный эркер, под которым располагается главный вход в арочном проёме. По сторонам входа помещены ажурные кованые кронштейны. Завершается эркер восьмигранным, по форме близким к пирамиде, куполом с «чешуйчатой» кровлей и шпилем.

Особняк Х.И. Фотиади, построенный с отступом от красных линий Борзиковской и Соборной (ныне им. Коммунаров и им. Ленина) улиц, имеет композиционный центр в виде круглого фонаря большого радиуса, завершённого конусовидным куполом с угловым слуховым окном и с разделяющим карнизом в верхней части. К этому основному объёму с запада и севера примыкают два прямоугольных объёма, причём первый имеет фасадное значение: его южный фасад, соединяющийся с закруглением фонаря, имеет два фланкирующих ризалита, завершённых аттиками, декорированными бетонной «шубой», лепным растительным орнаментом и глазурованной керамической детали, изображающей летящую чайку. Атик фонаря имеет пояс, имитирующий колоннаду (форма колонн гипертрофирована до гротеска). Между аттиком и горизонтальной тягой над тречастным прямоугольным окном помещено панно с лепным растительным орнаментом. Остальная плоскость фасадов, включая простенки, покрыта керамической глазурованной плиткой синего цвета.

Дом Никифораки был построен в 1910 году на Штабной (ныне Комсомольской) улице. Неординарность этой двухэтажной постройки состоит в сочетании «модернового» по своей композиционной сути объёма с удачно использованными в решении главного (южного) фасада романскими и готическими мотивами. Эти мотивы проявились в форме акцентирующего юго-западный угол эркера, с конусным куполом, воспроизводящей позднеготические круглые башни «со шлемами», в стрельчатой форме оконных проёмов второго этажа эркера, парных стрельчатых арках во фризе, стрельчатой форме ниш в каменной ограде двора, примыкающей к зданию. А вот лепные панно, составляющие междуэтажный пояс, эклектичны по содержанию. Все плоскости фасада, не занятые лепными панно, покрыты зелёной керамической глазурованной плиткой.

В обозначенный период в Екатеринодаре было выстроено довольно много зданий культового назначения. В основном это были православные храмы, но помимо них, в городе наличествовали и лютеранская кирха, и католический костёл, и армяно-григорианская церковь, и мусульманский молельный дом, и синагога.

Практически все православные храмы пореформенного Екатеринодара были решены приёмами «русского национального» стиля, но в разных его проявлениях. Так, например, построенная на Дубинке церковь Во имя Святителя Николая Мир-Ликийского (1883 г., архитектор В.А. Филиппов) воспроизводила формы шатровых храмов XVI-XVII веков в сочетаниями с древнерусской крестово-купольной основой: центральный восьмигранный шатёр, увенчанный луковичной главкой на высоком барабане, располагался на средокрестьи и имел в нижней части пояс из восьми полуциркулярных окон, заключённых в треугольные закомары; четырёхгранный шатёр колокольни на четырёхгранном барабане, также завершённый луковичной главкой на высокой шейке, находился на пяте креста.

Через пять лет после освящения Николаевской церкви в центре квартала, ограниченного улицами Ярмарочной (ныне им. Головатого), Кузнечной, Конвойной (ныне им. Кутузова) и Берёзанской, был освящён храм Покрова Пресвятой Богородицы, построенный по проекту того же В.А. Филиппова. Как писали «Кубанские областные ведомости», «...проект представляет величественное и чрезвычайно красивое сооружение, смело могущее соперничать с лучшими храмами обеих столиц» [7]. Сохранившиеся изображения храма свидетельствуют о том, что он был решён в формах московских церквей времён централизованного Русского государства. Композиционная основа церкви - «освящённое пятиглавие» на четверике с восьмигранными барабанами шлемовидной формы; колокольня трёхъярусная, «восьмерик на четверике», с шатровым восьмигранным покрытием, увенчанным луковичной главкой.

Освящённая в 1892 году церковь Во имя Воскресения Господня находилась на месте первого екатеринодарского храма - войскового Воскресенского собора, разобранного в 1879 году (см. выше). Эта церковь и пространственной композицией, и убранством фасадов воспроизводила формы древнерусских малых крестово-купольных храмов XI-XII веков.

В 1903 году в Екатеринодаре, на углу Северной и Котляревской (им. Седина) улиц, на подворье Георгиевского Балаклавского монастыря, была освящена церковь Во имя Святого Великомученика и Победоносца Георгия. Центральная часть храма - «четверик на четверике».

Окончание постройки церкви Во имя Святой Троицы на плановом месте при пересечении улиц Гривенской (ныне им. Фрунзе) и Карасунской относится к 1910 году. По сведениям В.П. Бардадыма, для архитек-

тора И.К. Мальгерба при строительстве Троицкого храма образцом послужила одна из церквей Киево-Печерского подворья в Санкт-Петербурге [8]. Композиционно храм идентичен Георгиевскому, с той лишь разницей, что главки на шеях помещены на своде апсиды и на сводах небольших угловых юго-восточного и северо-восточного приделов.

Семипрестольный собор Во имя Святой Екатерины, сооружение которого закончилось в 1914 г., заменил собой на Екатерининской площади старую деревянную церковь Святой Екатерины. Екатерининский собор в столице Кубани является точной копией сохранившегося Воскресенского собора в Новочеркасске, построенного 1894 г. по проекту донского архитектора Яценко. В композиции собора воспроизведены формы византийских и древнерусских крестово-купольных храмов: крест совмещён с четвериком. На образованных таким путём угловых объёмах, занимающих внутренние углы креста, помещаются четыре главы. Пятая, центральная глава находится на средокрестьи. Кирпичной кладкой решён декор экстерьера: горизонтальные тяги по плоскостям всех фасадов, дентикулы в арках и фризах, треугольный и кольцевой геометрический орнамент во фризах, кресты «греческой», «латинской» и «православной» форм на плоскостях объёма колокольни.

В 1894 году на улице Посполитакинской (Октябрьской) был освящён лютеранский храм, архитектурное решение которого несёт в себе черты романского и готического стилей. Композиция постройки, размещённой с отступом от красной линии, такова: объём в форме прямоугольного параллелепипеда перекрыт двускатной крышей, на торцовых стенах помещены треугольные щипцы. Пластика фасада обеспечена приёмами кирпичной кладки.

Приспособленное в начале XX века под синагогу (просуществовавшую до 30-х гг.) здание на улице Соборной (им. Ленина) ни по пространственной композиции, ни по декору фасадов не может быть отнесено к числу произведений архитектуры. Оно имеет только историко-культурное значение.

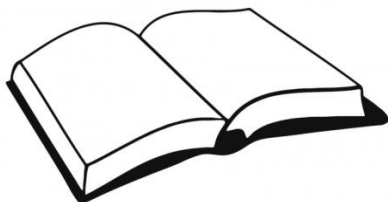
Таким образом, полиэтничный характер населения дореволюционного Екатеринодара оказал непосредственное влияние на усложнение застройки и специфику архитектурного облика города.

Примечания

1. Полный свод законов Российской империи. Собрание 2. - Т. 42. - СПб., 1871. - Статья 44504.

2. Данные приведены по следующим источникам: ГАКК. Ф. 252. Оп. 2. Д. 2113. Л. 72; Кубанские войсковые ведомости. - 1872. - № 46; Памятная книжка Кубанской области на 1881 год. - Екатеринодар, 1881. - С. 6, 8, 10-11; Екатеринодар-Краснодар: Два века... - С. 165; Отчёт начальника Кубанской области на 1895 год. - Екатеринодар, 1896. - С. 13.

3. Кубань и Черноморское побережье Кавказа: Справочная книга на 1914 год. - Екатеринодар, 1914. - С. 140.
4. Миронов П.В. Население Краснодара: Количество. - Краснодар, 1926. - С. 14.
5. Кубанские областные ведомости. - 1901. - 26 августа.
6. См.: Бардадым В.П. Зодчие Екатеринодара. - Краснодар, 1995. - С. 62.
7. Кубанские областные ведомости. - 1885. - 18 мая.
8. Бардадым В.П. Зодчие Екатеринодара. - Краснодар, 1995. - С. 56.

ВЛИЯНИЕ КУЛЬТУРНОЙ ГОРОДСКОЙ СРЕДЫ НА РОСТ ОБРАЗОВАННОСТИ ГОРСКОГО НАСЕЛЕНИЯ²

Городской социум со своей полифункциональностью и ориентированностью на удовлетворение культурных запросов населения, становился той средой, где происходили наиболее интенсивные образовательные процессы, охватывавшие в том числе коренное население Северо-Западного и в целом Северного Кавказа.

Первые образовательные центры, ориентировавшиеся на обучение детей горцев появляются ещё в первой половине XIX в., однако наиболее интенсивно вовлечение коренного населения региона в систему российского образования начинается уже во второй половине столетия.

На первом этапе горское население знакомилось с элементами российского образования, приобретая знания в школах для аманатов. Среди абазин одним из первых подобное обучение в 1820-е гг. прошёл Магомет-Гирей Лоов. В воспоминаниях российского офицера Ф.Ф. Торнау отмечалось: «Свою первую молодость он (Магомет-Гирей Лоов, - О.К.) провёл между русскими и выучился в георгиевской гимназии правильно говорить, читать и писать по-русски...» [1]. Скорее всего, Ф.Ф. Торнау говорит о школе горских аманатов, действовавшей в г. Георгиевске.

Некоторые горцы получали военное образование в кадетских корпусах. В частности, в одном из кадетских корпусов воспитывался Султан Ярыков - представитель знатного сословия горных абазин-шкарауа, в 1850-е гг. являвшийся близким соратником наиба Шамиля Магомет-Амина [2].

К середине XIX в. горское население получило возможность давать своим детям среднее образование в стенах Ставропольской и Екатеринодарской гимназий. В 1850-1858 гг. в Ставропольской гимназии обучался абазинец Адиль-Гирей Кешев - известный писатель, журналист и педагог. Последний отмечал, что в середине XIX в. многие горцы с большим недоверием относились к российским школам, гимназиям и с большой неохотой отдавали на обучение своих детей. О том же в 1858 г. сообщал учитель Ставропольской гимназии Ф.В. Юхотников: «Лет семь или восемь тому назад сделаны были первые попытки к определению горцев в Ставропольскую гимназию. Отцы на долю которых впервые выпал жребий послать туда детей своих, разумеется, по настоянию русских начальников или по совету образованных горцев, искренно нам преданных, отпускали их не толь-

² Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда и Краснодарского края в рамках научного проекта № 14-11-23003

ко с полным недоверием к сохранению религии, но и с совершенною безнадежностью на возврат, а некоторые опасались даже и за самую жизнь их... Но вот они ежегодно являются домой на каникулы - отцы покойны: сыновья их по прежнему мусульмане, по прежнему для них дорога родная сакля с ея обитателями...» [3]. Следует напомнить о том, что настроения горцев, о которых пишет Ф.В. Юхотников, бытовали в последние годы процесса военного покорения Северного Кавказа, поэтому «опасения» родителей, посылавших своих детей в российские образовательные центры вполне понятны.

Важно, что и в среде коренного населения региона всегда находились думающие люди, обзирающие дальнейшие перспективы этнического развития своих народов внутри государственного социума России. К числу подобных людей относился уже упоминавшийся Магомет-Гирей Лоов: служа в российской армии, он проявил себя как способный военный. А после завершения вооружённых действий в регионе, М.-Г. Лоов продолжил свою деятельность в общественной сфере. Он участвовал в деятельности различных комиссий; переговорных процессах, обладая знанием нескольких языков; возглавлял некоторое время аульскую администрацию в своём родном Лоовско-Кубанском селении. Значительное внимание он уделял подрастающему поколению. В 1877 г. начальник Баталпашинского уезда отмечал, что усилиями Магомет-Гирея Лоова юные горцы «...проявляют желание служить и учиться для того, чтобы открыть путь к службе, перечисляются в казачье сословие, как сделали два из Лоовых и Ахлов...». Удивительно, что, будучи военным, Магомет-Гирей Лоов прекрасно осознавал важность образования, в том числе светского. В 1858 г., завершая обучение в Ставропольской гимназии, уже упоминавшийся Адиль-Гирей Кешев занял первое место на конкурсе гимназических сочинений, продемонстрировав своё литературное дарование. Учитель гимназии Ф.В. Юхотников, преподававший воспитанникам уроки словесности, одобрительно отозвался о целом ряде известных горцев, в числе которых был назван и Магомет-Гирей Лоов, опекавших учеников из числа коренных жителей региона. «К чести горцев, занимающих почётные места в русской службе, - указывал в своей статье Ф.В. Юхотников, - должно отнести и то, что многие из них, приезжая в Ставрополь и не имея даже, среди воспитывающихся юношей, родственников, постоянно и всех своих призывали к себе и ласками, и увещеваниями побуждали их к новым успехам... Не могу не упомянуть с уважением об этих немногих людях, истинно понимающих благо просвещения своей родины. Имена их: султаны Адиль Гирей и Казы Гирей и князь Магомет Лоов» [4].

В судьбе абазинца Адиль-Гирея Кешева Ставропольская гимназия, собравшая под своё крыло достойных представителей русского обра-

зования, оказала решающее влияние. «Духовным отцом» будущего просветителя стал талантливый педагог Януарий Михайлович Неверов, окончивший с отличием и со степенью кандидата филологических наук факультет словесности Московского университета.

На мировоззрение Я.М. Неверова оказали влияние выдающиеся представители своей эпохи. Ещё в детстве, обучаясь в Арзамасском уездном училище, а каникулы проводя в деревне Дивеево Нижегородской области, Януарий познакомился с преподобным старцем Серафимом Саровским, пробудившим в мальчике глубокие религиозные переживания; в юности Неверов обучался в Московском университете вместе с М.Я. Лермонтовым, В.Г. Белинским, Н.В. Станкевичем, И.А. Гончаровым и другими одарёнными сверстниками, в кругу которых формировались гуманистические принципы будущего директора Ставропольской гимназии.

В 1850 г. Януарий Михайлович был назначен директором ставропольских училищ. Во вверенной Я.М. Неверову гимназии, ему удалось привить дух человеколюбия, категорически выступив против применения физических наказаний, привлечь и объединить вокруг себя прогрессивно мыслящих педагогов. «Януарий Михайлович Неверов, - писал автор книги о Ставропольской гимназии, М. Краснов, - соединял в себе лучшие качества педагога, которые сочетались в нём с нежной отеческой любовью к учащимся гимназии... и высоким эстетическим чувством, которое он стремился поселить в учащемся. Вся заслуга Януария Михайловича состоит в том, что он и как педагог, и как администратор не только умел распознать силы и таланты в учащихся и своих подчинённых, не только содействовал целесообразными мерами их развитию, но и изобретал разнообразные средства к тому, чтобы любовь к труду вверенных его отеческим попечениям лиц никогда не угасала, а более и более расширяла их благообразную деятельность в желаемом направлении» [5].

С особым вниманием и заботой Януарий Михайлович относился к воспитанникам из числа коренных жителей Кавказа, тонко чувствуя потребности формировавшегося российско-северокавказского общества: «горцам следует давать такое образование, которое бы представляло им средство быть полезными гражданами не на воинском, а преимущественно мирном поприще, не выходя из своей среды, т. е. не отдаляясь от своих природных нравов, обычаев, верований» [6]. При этом Я.М. Неверов признавал необыкновенную одарённость детей из коренных жителей региона: «... в русской гимназии на 350 учащихся русских и 20 горцев торжество успеха оказывается на стороне меньшинства» [7]. Способность учеников из местной кавказской элиты была вполне понятна, ибо в первые годы после открытия горского пансиона при гимназии (1840-е гг.), туда поступали самые целеустремлённые и талантливые дети горской знати.

В 1850 г. одновременно с приходом в Ставропольскую гимназию Я.М. Неверова, на przygotowательное отделение данного учебного заведения поступает Адиль-Гирей Кешев. Именно в стенах гимназии юный абазинец знакомится с достоянием русской культуры, ограняет своё мировоззрение и нравственные принципы, принимает решение связать свою судьбу с Россией. Нельзя сказать, что культурная интеграция в российский социум происходила у Кешева легко. Биография абазинского писателя демонстрирует весьма непросто складывавшиеся отношения с российской бюрократией. Естественно, по мере вживания в общество России у юного горца рождались сомнения в верности избранного пути. В рассказе А.-Г. Кешева «Два месяца в ауле» (опубликован в 1860 г.) главный герой (в портрете которого угадываются автобиографические нотки) после окончания кадетского корпуса с горечью замечает, что образование «легло нерушимой стеной между соотечественниками и мною, сделало меня чужим между своими. На меня смотрели не иначе как на пришельца; даже в родной семье я был скорее гостем, чем необходимым членом... Не получа никакого образования, я жил бы как все черкесы, то есть наслаждался бы вполне счастливым неведением, не заботясь о том, что будет с моими соотечественниками... словом не думал бы ни о чём больше, как о статном коне и красивой винтовке. Всё это я сознавал очень хорошо, но отстать от своих привычек, своротить с прямого пути не мог» [8]. Очень показательно, что герой рассказа Кешева констатирует невозможность возвращения к прежней жизни, так как его этническая идентичность, впрочем, как и самосознание многих других горцев Северного Кавказа, наряду с этническим, субэтническим уровнем, обрело и надэтнический (суперэтнический) – российский уровень. В жизненных коллизиях, в поступках и мыслях сплелись воедино личные потребности, нужды своего народа, а также покровительство и требования обретаемого Отечества.

Завершив обучение в Ставропольской гимназии, принадлежа к числу способных учеников, Адиль-Гирей Кешев начал готовиться на базе того же учебного заведения для поступления в университет. В 1860 г. юный абазинец зачисляется в Петербургский университет на факультет восточных языков «по разряду арабско-персидско-татарскому». Обучение Кешева в университете было непродолжительным (1860 - осень 1861 гг.), что связано с общественно-политическими процессами в Российской империи того времени. Однако даже неоконченное высшее образование позволило Адиль-Гирею Кешеву на должности учителя Ставропольской гимназии, а затем редактора газеты «Терские ведомости» оказать огромную роль на процесс социокультурной адаптации новых подданных Российской империи - коренных народов Северного Кавказа.

Таким образом, уже в середине XIX в. отдельные представители народов региона получают возможность освоить университетский курс обучения. Однако эта судьба касалась немногих представителей знатных сословий коренных этносов Северного Кавказа. Рядовые же горцы во второй половине XIX в. получают доступ к светскому начальному образованию. Одни из первых школ были открыты во Владикавказе и Нальчике (1861 г.), а также Майкопе (1868 г.) [9].

В последней четверти столетия в горских селениях Кубанской области был учреждён целый ряд начальных училищ. В 1877-1879 гг. в аулах Мансуровском, Учкулан, Бибердовском и Тебердинском возникли первые такие школы. Они предназначались не только для детей аула, где располагалось учебное заведение, но и для мальчиков из окрестных селений.

Некоторые горцы, окончив аульное училище, продолжали учёбу. В 1876 г. житель Дударуковского аула Бейслан Шереметов, окончивший Лабинскую горскую школу, направил прошение начальнику Баталпашинского уезда о содействии в его стремлении продолжить обучение. Шереметову предложили поступить в качестве частного пансионера (на платной основе) в Ялтинское училище садоводства и виноделия при императорском Никитском саду, «в котором будет он обучаться садоводству, земледелию и виноделию, некоторым наукам, а также бондарному, столярному и кузнечному мастерству. Курс учения восьмилетний, по истечении которого Шереметов может получить аттестат, если кончит его с успехом». Отец мальчика Мусса Шереметов и сам Бияслан дали согласие на зачисление в Ялтинское училище. К сожалению, неизвестно, прошёл ли Шереметов здесь курс обучения, но впоследствии он возглавлял школу в Дударуковском ауле [10].

Учителей для начальных школ готовила учительская семинария в ст. Ладожской. Как отмечала В.П. Невская, в этом и ряде других средних учебных заведениях области (Екатеринодарской военно-фельдшерской школе и Майкопском реальном училище) горцам предоставлялось лишь по 2 вакансии, которые не могли удовлетворить потребность местных народов в образовании. По словам начальника Кубанской области, в конце XIX в. «среди горского населения вверенной мне области замечается большое стремление к образованию, потребность эта так велика, что имеющиеся горские вакансии... далеко не удовлетворяют всех желающих учиться». Поэтому в Ладожской семинарии было решено создать 2 дополнительные вакансии за счёт аульных обществ. Ежегодная стоимость обучения каждого стипендиата составляла 180 руб., но это не отталкивало горцев: ни одно аульное общество не отказалось, заявив, о согласии выделить средства «для такого благого дела» [11].

В целом, хочется подчеркнуть, что российская администрация на Северном Кавказе не только не ограничивала доступ местного населения к

образовательным ресурсам, но, напротив, использовала данный потенциал для реализации конструктивного интеграционного процесса: как на завершающей стадии вхождения региона в состав России, так и в последующий период, когда местные жители, несомненно, испытывали трудности в процессе адаптации к новым социокультурным условиям.

Примечания

1. Торнау Ф.Ф. Воспоминания кавказского офицера. - Ч.1. - М., 1864. - С.109.

2. Шпаковский А. Записки старого казака // Военный сборник. - СПб., 1871. - № 7. - С.118.

3. Юхотников Ф.В. Нечто о горцах, учащих в Ставропольской гимназии // Кавказ. - Тифлис, 1858. - № 100.

4. Там же.

5. Каламбий (Адиль-Гирей Кешев). Записки черкеса. Повести, рассказы, очерки, статьи, письма. - Нальчик, 1988 (текст предисловия Р.Х. Хашхожевой) // http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Kavkaz/XIX/1860-1880/Kesev_Adyl_Girej/pred.htm (дата обращения: 11.12.2012).

6. Януарий Михайлович Неверов // <http://www.liveinternet.ru/users/kakula/post233818525/1810> (дата обращения: 12.12.2012 г.).

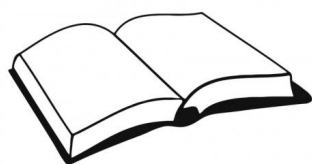
7. Голубева Л.Г. Каламбий (Кешев А.-Г.) (биографический очерк) // Труды Карачаево-Черкесского научно-исследовательского института. Вып. IV (серия филологическая). - Черкесск, 1965. - С.175.

8. Адиль-Гирей Кешев (Каламбий) Два месяца в ауле // Шаги к рассвету. Адыгские писатели-просветители XIX века. - Краснодар, 1986. - С.306.

9. Ктиторова О.В. Истории и судьбы северокавказских абазин, получивших российское образование (культурный аспект регионального интеграционного процесса) // Современная система педагогического образования: опыт прошлого - взгляд в будущее: Материалы всероссийской научно-практической конференции. - Армавир, 2013. - С.147.

10. Государственный архив Краснодарского края. Ф.454. Оп.7. Д.647. Л.3, 4об. - 5, 10.

11. Невская В.П. Присоединение Черкесии к России и его социально-экономические последствия. - Черкесск, 1956. - С.146, 147.

А.Г. Сидякина
(г. Усть-Лабинск)

**ВЛИЯНИЕ ДОРОЖНОГО СТРОИТЕЛЬСТВА
НА УКРЕПЛЕНИЕ ИНТЕГРАЦИИ НАРОДОВ
СЕВЕРО-ЗАПАДНОГО КАВКАЗА С РОССИЕЙ
(XIX - начало XX в.)**

Неотъемлемой частью военно-колониационного процесса является становление системы транспортных коммуникаций. В первой половине XIX в. Закубанье представляло собой территорию, практически лишённую удобной дорожной сети. Причиной тому являлись, в первую очередь, природно-географические условия. Гужевое сообщение на территории Закубанья было возможно лишь в летнее время года. Весной же и осенью дороги становились непроходимыми от распутицы и разлива рек, зимой свободному передвижению препятствовал глубокий снег [1]. А.Н. Дьячков-Тарасов, анализируя уровень развития системы дорог у абадзехов, отмечал: «Частые дожди в этой местности нередко делали сообщение между аулами затруднительным, и, хотя абадзехи любили прокладывать свои аробные дороги по вершинам хребтов, всё же последние зимой были малодоступны, и сношения поддерживались верхом» [2]. На горных участках дороги часто разрушались обвалами и размывами рек, что затрудняло сообщение между селениями. Другая причина слабого развития транспортного сообщения на территории Северо-Западного Кавказа вытекала из характера социально-политических и экономических условий жизни коренных народов региона: здесь сказывались неразвитость торговых отношений, обусловленная натуральным характером хозяйства горцев, и присущая данному региону внутривнутриполитическая напряжённость. В итоге в первой половине XIX века «в старом черкесском Закубанье, - отмечала советская исследовательница В.П. Невская, - где не только каждое племя, но и каждый аул жил замкнутой изолированной жизнью, почти не было путей сообщения, соединявших разные части области» [3].

С приходом России ситуация постепенно меняется. Во второй трети XIX в., прежде всего, военная администрация прилагает немалые усилия по прокладке системы грунтовых дорог. Процесс дорожного строительства на Левобережье Кубани и Черноморском побережье активно начал осуществляться под руководством А.А. Вельяминова. Он являлся последовательным сторонником расширения транспортных коммуникаций, которые рассматривались им как гарантия экономического преуспевания государства. С другой стороны, после заключения Адрианопольского мира с Турцией, именно в период нахождения А.А. Вельяминова на посту начальника Кав-

казской линии и Черномории, Россия начинает своё поступательное продвижение за р. Кубань.

Первоначально большая часть дорог, сооружавшихся в Закубанье, имела военное назначение. Однако уже тогда дорожное строительство воспринималось как один из существенных путей приобщения (включая весь спектр возможных действий: от военного до гражданского) коренных жителей Кубани к российской государственности. Так, в 1840 г. при прокладке дороги от Ново-Георгиевского укрепления до Прочного Окопа начальник Правого фланга Кавказской линии Г.Х. Засс подчёркивал: «Как для означения расстояния, так и для того, чтобы горцы более привыкли считать Закубанье Русскою землёю, - я приказал поставить верстовые столбы, окрашенные по установленному образцу...» [4].

В 1843 г. под начальством командующего войсками Кавказской линии и Черномории генерал-лейтенанта Гурко шло возведение укрепления на р. Кяфар у устья р. Бежгона (ныне это ст. Сторожевая), а также сооружение мостов и дорог, которые должны были обеспечить коммуникацию новой крепости с опорными пунктами на Зеленчуках и Кубани [5].

Довольно подробный отчёт генерал-лейтенанта Гурко позволяет представить сложность, противоречивость и неоднозначность, отношений с коренными жителями этого района Закубанья в 1840-е гг. Строительство дорог, мостов и укрепления проходило в окружении «в прошлом году отложившихся», т.е. непокорных, абазин-башилбаевцев, а также на тот момент враждебных к России адыгов-бесленеевцев. Вместе с тем, наряду с перестрелками и пленением российских солдат содержание контактов с горцами составляли торговые отношения (в российском лагере был устроен базар) и различные формы взаимного военного и экономического сотрудничества. Так, в благодарность за разрешение пасти скот и косить сено в районе лагеря жители соседних селений охраняли подходы к местности, где расположился российский отряд, от партий немирных горцев, отговаривали своих соотечественников нападать на солдат, отправлявшихся группами за строительным материалом в лес, изъявляли свою покорность. «Высшим проявлением доверия российским военным, - как отмечает Гурко, - стало возвращение одного башилбаевского аула на прежнее место жительства, рядом с дорогой, ведущей в лагерь» [6].

Не только упомянутые офицеры, но и другие участвовавшие в покорении Кавказа российские военачальники и администраторы (в том числе М.С. Воронцов [7] и А.И. Барятинский) понимали важность проведения сети дорог для замирения региона. Так, назначенный в 1856 г. наместником на Кавказе, А.И. Барятинский указывал, что «Вступив в управление краем, я обратил особое внимание на внутренние и внешние сообщения, предположив устройство капитальным образом важнейших путей» [8].

После присоединения Северо-Западного Кавказа к России и проведения в регионе буржуазных реформ изменяется назначение транспортных артерий. На первое место выступают социально-экономические причины: охват населённых пунктов дорожной сетью с целью интенсификации торговли и вовлечения в хозяйственные и социокультурные процессы коренного населения региона. Сохранялся и военный фактор, хотя его значимость стала менее актуальна.

Следует отметить, что во второй половине XIX в., наряду с обустройством грунтовых дорог, в Российской империи происходит масштабный процесс создания сети железнодорожных магистралей. Если шоссейные и грунтовые дороги в основном были рассчитаны на сообщение внутри региона, то железнодорожные артерии должны были связать Кавказ с остальной частью Российского государства. О важности проведения железнодорожной линии по территории, недавно вошедшей в состав империи, высказывались многие государственные деятели. Среди них следует упомянуть наместника на Кавказе великого князя Михаила Николаевича, который направил в январе 1869 г. императору записку о необходимости соединения Кавказа с общероссийской железнодорожной сетью магистральной линией от Ростова до Владикавказа. В ней, в частности говорилось: «Линия эта произведёт желаемый коренной поворот в сношениях Кавказского края с Россией как в гражданском, так и военном отношениях. Предоставляя полный простор русскому элементу влиять на эту богатую страну как в нравственном смысле, так и в коммерческом отношении, проектированная дорога обеспечит рассматриваемую пограничную область от всяких случайностей, внутренних беспорядков и внешних вторжений, сделав всякие попытки наших врагов против Кавказа почти невозможными» [9]. Принципиальным выглядит мнение Михаила Николаевича о том, что сокращение расстояний между Кавказом и остальной Россией, которое станет результатом проведения железной дороги, будет способствовать «покорению духовному» края [10].

В 1875 г. планы Михаила Николаевича воплотились в жизнь: Северный Кавказ был связан с другими районами государства Ростово-Владикавказской железной дорогой. В первые два десятилетия XX в. в Кубанской области и Черноморской губернии сооружается целый ряд других железнодорожных линий: Армавир-Туапсинская, Ейская, Черноморско-Кубанская, Черноморская [11], которые стали важным дополнением к существующим в регионе грунтовым и шоссированным дорогам.

Изучение процесса строительства на Кубани транспортных коммуникаций в процессе интеграции региона в состав России убеждает в том, что ориентиром в политике российских властей являлся конструктивный путь

вовлечения самых разных народов полиэтничного Кавказа в российское сообщество.

Примечания

1. Данилевский Н. Кавказ и его горские жители в нынешнем их положении. - М., 1846. - С.21.

2. Дьячков-Тарасов А.Н. Абадзехи (историко-этнографический очерк) // Ландшафт, этнографические и исторические процессы на Северном Кавказе в XIX - начале XX века. - Нальчик, 2004. - С.599.

3. Невская В.П. Присоединение Черкесии к России и его социально-экономические последствия. - Черкесск, 1956. - С.131.

4. Государственный архив Краснодарского края. Ф.347. Оп.1. Д.2. Л.7.

5. Российский государственный военно-исторический архив. Ф.ВУА. Д.6490. Л.10,11,13об.,14,16-17об.

6. Ктиторова О.В. Методы привлечения закубанских горцев на сторону России (на примере абазин) // Северный Кавказ в межцивилизационных контактах и диалогах: от древности к современности. Тезисы региональной научной конференции, посвящённой 10-летию исторического факультета АГПИ. - Армавир, 2001. - С.34.

7. Пылков О.С. «Следует идти по системе менее наступательной, шагами, может быть, более верными, но тихими» (О строительстве дорожно-транспортной сети на Кавказе при наместнике князе М.С. Воронцове) // Лики российскости. Материалы научно-педагогических семинаров Кавказоведческой Школы В.Б. Виноградова. - Армавир-Ставрополь, 2010. - С.91.

8. Пылков О.С. Российская армия в трансформационных процессах на Северном Кавказе (конец XVIII - первая половина XIX вв.). - Армавир, 2011. - С.99.

9. Наша железнодорожная политика по документам архива Комитета министров. Исторический очерк. Т.2. Составлен Н.А. Кислинским. - СПб., 1902. - С.35.

10. Там же. - С.34.

11. Леусян О.А. Деятельность частных железнодорожных обществ Кубанской области и Черноморской губернии в начале XX века // Кубанский сборник: сборник научных статей по истории края. Т.1(22). - Краснодар, 2006. - С.155-168.

А.А. Трандофилов
(г. Армавир)

РОЛЬ ГРЕЧЕСКИХ ОБЩИН В РАЗВИТИИ ГОРОДОВ КУБАНИ

Греческое население облюбовало территории современного Краснодарского края ещё со времён античной колонизации VI в. до н.э. - IV в. н.э. Причины освоения данных земель древними греками были весьма разнообразны, первоопределяющей из которых являлась экономическая: необходимость создания новых аграрных поселений из-за нехватки пространств в метрополии, поиск рынков сбыта продукции и т.п. Из античных источников мы знаем названия древнегреческих поселений на Черноморском побережье Кубани: Горгиппия, Гермонасса и др. Пребывание эллинской цивилизации на территории Кубани не заканчивается с окончанием эпохи античности. Во время 1000-летнего существования Византийской империи колонизационные потоки греческого и эллинизированного населения порой были настолько сильны, что по своим темпам иногда перекрывали аналогичные в эпоху древности. Но и с прекращением византийского влияния на землях Северного Причерноморья и установлением впоследствии османского, греческое население не «испарилось» из этих территорий. Всю эпоху турецкого владычества и в Крыму, и на Кубани повсеместно имелись крупные греческие диаспоры, продолжившие своё существование и до установления над территориями Крыма и Кавказа российского суверенитета.

С момента восстановления Элладой своей независимости в 20-30 гг. XIX века на территорию Российской империи, в том числе и на земли современного Краснодарского края, стали направляться подданные Греческого королевства, среди которых были и служащие, и торговцы, и промышленники, и деятели культуры, и духовенство. Другим источником пополнения греческой диаспоры Причерноморья и Кубанской области было греческое население Понта и других смежных территорий, бежавшее от антихристианской и антигреческой политики Порты, политики геноцида. Таким образом, по результатам переписи 1897 года греки составляли 1,05% населения Кубанской области (греческий своим родным языком назвали 20137 человек) [1], [2]. Ощутимая по размерам греческая диаспора активно участвовала во многих сферах жизни региона. Активную позицию греки занимали в торговле (в том числе и внешней), табаководстве, банковском деле, производстве хлеба и подсолнечного масла. Значительные по численности и влиянию общины жили в столице области - Екатеринодаре, также в станицах Крымской, Славянской, Анапе, селении Армавире.

К концу XIX века в Екатеринодаре сформировалась довольно мощная греческая община. Как и во многих местах она тоже была неоднородной. Часть греков были выходцами из Трапезундского вилайета, часть из Карса (греки-понтийцы). Основу греческой интеллигенции составляли подданные Греческого королевства, находившиеся в России с различными миссиями политического, экономического или религиозного характера. Были также греки-старожилы (в основном черкесские греки, жившие рядом с черкесогаями), или же перешедшие в российское подданство.

В Екатеринодаре существовало Эллинское благотворительное общество. В него входили различные группы населения: купцы, служилые люди, государственные служащие, духовенство и т.д. Целью Общества была экономическая и социальная координация представителей греческой диаспоры города.

Необходимо отметить тот факт, что к началу 60-х гг. XIX века в Екатеринодаре одна из улиц получила название «Посполитакинская» в честь войскового старшины Александра Лукича Посполитаки. На ней располагались многочисленные торговые и производственные предприятия греков. Так, например, там находился дом и табачный склад А.И. Сарантиди.

О самом А.Л. Посполитаки «Кубанские областные ведомости» писали, что он играл важную роль в торговле на Кубани, являлся откупщиком. Он же спонсировал строительство в городе церкви Всех Святых на кладбище. В 1847 году после своей отставки с поста войскового старшины он решил построить в городе 20 торговых лавок.

Другим ярким предпринимателем был греческоподданный Христофор Иванович Фотиади, который владел обувной фабрикой, занимался кожевенной торговлей. Его сын Геракл Христофорович Фотиади дослужился до чина генерала.

На той же Посполитакинской улице в 1890 году Адам Дмитриевич Адамули начал строительство первой в городе торговой бани.

Харламбий Иванович Вафиади занимался торговлей хлебом. В период 1891-1899 гг. являлся гласным Екатеринодарской Городской Думы [3].

Ещё в седой древности древними эллинами были обжиты места, на которых располагается современная Анапа. Греческое поселение Горгиппия было основано более 2500 лет назад. В IV до н.э. в период расцвета Боспорского царства Горгиппия, благодаря удобной гавани, стала крупным портом, через который шла оживлённая торговля с греческими государствами. В VI веке при императоре Юстиниане I земли Боспорского царства входят в состав Византийской империи. Непродолжительный период эти владения были под властью киевских князей в XI веке. В XIV-XV вв. политическую и экономическую инициативу в этом регионе перехватывают венецианские и генуэзские купцы и колонисты. Условной датой конца их гегемонии на

Северочерноморском побережье можно считать 1453 год - время падения Константинополя, так как турки-османы закрыли черноморские проливы для торговли. На 400 лет над этими землями опустился турецкий гнёт.

Главным итогом многочисленных русско-турецких войн XVIII-XIX вв. стало присоединение территорий Северного Причерноморья к Российской империи. С этого момента и начинается история современной Анапы. На протяжении второй половины XIX в. поселение стремительно развивалось. В 80-90 гг. в городе наряду с развитием сельского хозяйства начинает процветать дачное строительство, туризм, торговля. В Кубанских календарях упоминаются многочисленные анапские купцы 1-й и 2-й гильдии. В эти годы большинство лавок, кофеен, рыболовных и кирпичных заводов принадлежало грекам, среди которых в том же Календаре упоминаются Элефтерий Симеонович Популиди, Константин Николаевич Кариофили, Иван Ставровиц Янаулов, Николай Элефтерович Триандафиллиди, Трифон Юрьевич Попандопуло и др. В основном они жили на Кубанской улице и Греческом переулке, где и по сей день стоят добротные каменные дома. А кирпич приобретали на четырёх кирпичных заводах, принадлежавших Лазарю Константиновичу Яполаки, Екатерине Христофоровне Фомаидис, Фёдору Константиновичу Ставраки и Дмитрию Константиновичу Киреки [4].

На протяжении XIX-XX вв. греческая община играла одну из первоопределяющих ролей в жизни Анапы. И в наши дни происходит консолидация национальных сил греческой диаспоры города, проявляющаяся во многих сферах: культурной, экономической, духовной. В настоящее время в Анапе создаются многочисленные образовательные и культурные объединения, основанные на приобщении людей к греческой культуре.

В Армавире к началу XX имелась относительно многочисленная греческая диаспора (269 человек по переписи населения Российской империи 1897 года), сформировавшаяся в основном из двух потоков: греческие беженцы из Османской империи (переселялись наряду с армянским населением из Западной Армении, Карса, Трапезунда) и греческоподданные торговцы, промышленники, учёные и т. п. Многие греческие предприниматели владели рядом предприятий в селе. Известными хлебными торговцами были Г.С. Бациоти, В.Г. Дусманис, П.Н. Гаганис, Г.И. Вокаяни, А.М. Евангелиди, П.М. Гаганис, К.Г. Кадурос, А.И. Кологереси, П.С. Анастасиади, К.Ф. Вамварис, И.Д. Аподиако, Е.И. Кусидис, А.Н. Спари, И.Д. Хрисанти, К.Ф. Вамварис, чьи имена были известны во всём городе и упоминались в Кубанских календарях начала XX века.

Маслобойный завод армавирского купца-миллионера П.Д. Спари был построен в селении в 1901 году рядом с предприятиями братьев Бабаевых и Унановых. По опубликованным в 1909 г. статистическим сведениям здесь насчитывалось 80 человек рабочих. От остальных предприятий завод П.Д.

Спари отличался наличием шестиэтажного элеватора, возведённого для хранения семян подсолнечника [5].

Одним из портовых городов в то время был Ейск. Морские пути шли от Ейского порта через Керченский пролив в различные города черноморского побережья разных стран, в первую очередь Османской империи. Среди жителей Ейска, занимавшихся морской торговлей было немало греков. Так, например, в 1857 году в Екатеринодаре наместник Кавказа князь Барятинский принял делегацию ейских купцов. Её возглавлял купец 1-й гильдии Георгий Какодаки. Торговля ейских купцов, в том числе и греческого происхождения, была разноплановой.

Например, в мае 1858 года к причалу Ейского порта привёл свой корабль «Божья Матерь» шкипер Σάββας Παλαδόπουλος (Савва Попандопуло) с грузом турецкого табака для купца Κατοράκη (Капораки). А шкипер Ανδρέας Σαχτούρης (Андрей Сахтури) на судне «Солон» привёз масло.

Деятельность предприимчивых греческих людей Ейска не ограничивалась только торговлей. Греческая диаспора была представлена и в банковской сфере. В 1883 году в городе Ейске открывается отделение Азовско-Донского банка. А в 1898 году его главой стал Харлампий Харлампиевич Франкопуло (Χαραλάμπιος Χαραλαμπίου Φραγκόπουλος).

Можно привести другие примеры, показывающие широкое представление греческой диаспоры Ейска в экономике города и региона. Так, клиентами Азовско-Донского банка были: купец Григорий Калараки, занимавшийся чугунолитейным производством, Илья Павлович Пигиди (Ιλίας Παύλου Πηγίδης) [6].

Давним местом пребывания греков являются земли современных Славянского и Крымского районов Краснодарского края. И по сей день в таких населённых пунктах как г. Крымск, г. Славянск-на-Кубани с. Мерчанское, ст. Нижнебаканская, х. Новоукраинский и др. имеются крупные греческие общины, в некоторых из них составляя большинство в процентном соотношении от количества всех жителей.

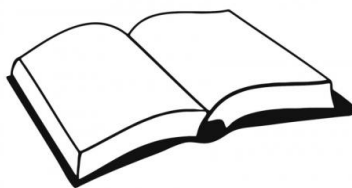
К 10-м гг. XX века станица Славянская представляла собой довольно крупный населённый пункт. В 1916 году через её территорию были проложены железнодорожные пути. Данное обстоятельство оживило экономическую жизнь станицы. К этому моменту в Славянской имелось около 150 предприятий различной направленности. Среди владельцев объектов промышленности и торговли имелись и греки. Торговлей зерном занимались Таксопуло и Рамониди, производством лимонадных напитков – Христофор Афанасьевич Арачиди. В сфере торговли лесом был бизнес Григория Григорьевича Ксандопуло [7].

На протяжении второй половины XIX - нач. XX в. греки принимали активное участие в жизни Кубанской области, активно проявляя себя во

многих её сферах. Ситуация резко изменилась после революции 1917 года и годы гражданской войны. Предприятия, магазины, сельскохозяйственные угодья были национализированы. В последующие предвоенные десятилетия многие представители греческой диаспоры Кубани были либо репрессированы, либо вынуждены были уехать за границу (зачастую по причине того, что являлись гражданами и подданными других государств), в частности на историческую родину в Грецию.

Примечания

1. Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Т. 65. Кубанская область. - СПб., 1905. - С.V.
2. Ктиторов С.Н. История Армавира (досоветский период 1839-1918 гг.). - Армавир, 2002. - С.180.
3. Кочериди Ю.Д. Греки в истории Кубани. - Краснодар, 2011. - С.24-29.
4. Там же С.178.
5. Ктиторов С.Н. История Армавира (досоветский период 1839-1918 гг.). - Армавир, 2002. - С.180.
6. Кочериди Ю.Д. Греки в истории Кубани. - Краснодар, 2011. - С.407.
7. Там же. - С.424.

ПОЛИКОНФЕССИОНАЛЬНОСТЬ КАК ФАКТОР СПЕЦИФИКИ ИСТОРИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ ДОРЕВОЛЮЦИОННОГО ВЛАДИКАВКАЗА

Владикавказ всегда отличался многоконфессиональной пестротой. На небольшой по размерам территории города были представлены едва ли не все известные миру конфессии. В 1852 году численность населения крепости достигала 3653 человека, из которых 3199 представляли православную общину, 154 - католическую, 171 - мусульманскую, 96 - армяно-григорианскую, 27 - лютеранскую [1].

Православная община дореволюционного Владикавказа была представлена русскими, осетинами, грузинами, греками.

9 мая 1785 года был издан Указ Государыни Императрицы Екатерины II в котором говорилось: «В построенной крепости при входе в горы Кавказские позволяем Мы соорудить церковь православного нашего закона....». Так в крепости Владикавказ появилась первая церковь [2].

Храм был сооружён в центре Владикавказской крепости. Ныне на этом месте находится Пушкинский сквер. Церковь была выстроена из турлука и обмазана глиной. В 1818 году вместо неё была сооружена деревянная Спасо-Преображенская церковь. В 1858-1859 гг. храм был расширен приделами на юг и север. В 1863 году церковь становится собором и переходит в собственность города Владикавказа. В ограде собора были погребены герои Кавказской войны, а также знатные горожане. Здесь находились могилы, как основателей Владикавказа, так и владикавказцев начала XX века [3].

Осетинская церковь Рождества Пресвятой Богородицы была основана в 1815 году и более 50 лет обслуживала всё православное население дореволюционного Владикавказа. Небольшое деревянное здание неоднократно подвергалось перестройке. В 1823 году на месте деревянной церкви была построена каменная.

В ограде церкви находилось кладбище, где нашли вечный покой многие знатные горожане. В первые годы на кладбище хоронили участников Кавказской войны. Здесь были погребены лучшие представители осетинской интеллигенции [4].

В 1872 году началось строительство храма Михайло-Архангельского собора в ознаменование окончания Кавказской войны. В то время он величественно возвышался над городом и был виден из каждой его точки. В

1894 году храм был освящён. В советское время собор постигла судьба большинства храмов Владикавказа. Он был разрушен [5].

Свою церковь имел в городе и Тенгинский полк. Сначала здание было деревянным, потом, в 1879 году, на его месте была сооружена каменная, пятиглавая с колокольной церковь во имя св. Апостолов Петра и Павла [6].

В ноябре 1887 года была основана Братская церковь во имя святой Троицы и освящена экзархом Грузии. Свято-Троицкое братство объявило своей целью утверждение религиозно-нравственного просвещения, христианского благочестия и нравственности среди населения города. Членами Братства могли быть лица всех званий и состояний обоего пола, сочувствующие целям данной организации и оказывающие духовную, а также материальную помощь в их осуществлении [7].

Со временем представители православной общины пожелали иметь свои религиозные учреждения, в которых богослужение проводилось на родном языке.

Грузины в 1898 году создали свою церковь во имя Святой Нины Провосветительницы при училище. Это была первая грузинская церковь на Северном Кавказе [8].

3 июня 1902 года была освящена греческая церковь в честь Успения Пресвятой Богородицы [9].

В 1843 году была открыта армяно-григорианская церковь. В 1862 году армянская консистория подняла вопрос о строительстве каменного храма. Численность армянского населения неуклонно росла, небольшая по своим размерам церковь с трудом вмещала всех верующих, особенно в дни религиозных праздников. 18 августа 1902 года состоялось торжественное освящение перестроенной церкви [10].

В 1864 году проживавшие в городе евреи обратились с просьбой к Начальнику Терской области об открытии синагоги. Был построен деревянный молитвенный дом во 2-й части города. В 1862 году синагога была освящена [11].

27 марта 1911 года «Терские ведомости» сообщили об освящении евангелическо-лютеранской церкви: «На первой обедне присутствовало много горожан и посторонней публики». В городе эту церковь называли немецкой кирхой. Она была построена в готическом стиле, к ней примыкало одноэтажное здание, в котором располагалась немецкая школа [12].

В 1868 году поляками был построен Римско-католический костёл св. Антония [13].

Мусульманская община города была представлена татарами, кумыками, частью осетин, ингушами и персами.

В 1900 году было выдано разрешение на строительство мечети, а открытие её состоялось 14 октября 1908 года. Более пятидесяти тысяч рублей

были потрачены Муртазой Мухтаровым на строительство мечети. Поэтому она известна также как мечеть Мухтарова. Причиной проявления такой щедрости была любовь азербайджанца к осетинке. Именно во Владикавказе Муртаза Мухтаров встретил свою жену Лизу Туганову и здесь же сочетался с ней законным браком. После женитьбы супруги переехали в Баку. Активными прихожанами церкви были и осетины, и кумыки, и другие мусульмане города [14].

Мусульмане-шииты тоже имели свою мечеть. Построена она была на средства персов-шиитов, проживающих во Владикавказе (70-х гг. XIX в.) Архитектор здания неизвестен. В настоящее время в нём размещается планетарий. С вершины купола был убран шток с полумесяцем [15].

Таким образом, религиозные центры Владикавказа выполняли различные функции: религиозно-культовую, благотворительную, культурно-просветительскую. Храм как неотъемлемая часть духовной культуры был хранителем традиций и обычаев, а также средством сохранения национальной самобытности. Между представителями различных конфессий складывались толерантные отношения. Храмы принимали активное участие в создании и распространении городской культуры.

Примечания

1. Кавказский календарь на 1852 год. – Тифлис, 1851. - С.310-315.
2. История Владикавказа (1781-1990 гг.). Сборник документов и материалов. - Владикавказ, 1991. - С.18.
3. Киреев Ф.С. По улицам Владикавказа. - Ростов, 2008. - С.44.
4. Там же. - С.50-53.
5. Старый Владикавказ // [Электронный ресурс]: <http://oldvladikavkaz.ru> (дата обращения: 25.01.2014).
6. Гутиев З. Эти здания Владикавказа расскажут о многом // Северная Осетия. - 2002. - № 150.
7. Семёнов Л.П., Тедтоев., Кусов Г.И. Орджоникидзе-Владикавказ. Очерки истории города. - Орджоникидзе, 1972. - С.74-76.
8. Канукова З.В. Старый Владикавказ. - Владикавказ, 2008. - С.182.
9. Там же.
10. Центральный Государственный архив Республики Северная Осетия - Алания. Ф.53.Оп.1.Д.1988.Л.8.
11. Владикавказ - Дзауджикау. Краткий историко-краеведческий справочник. - Владикавказ, 1999. - С.124.
12. Терские ведомости. - Владикавказ, 1911. - № 11.
13. Метревели О. Калейдоскоп событий // Северная Осетия. - 2000. - № 46.
14. Ларина В.И. Очерк истории городов Северной Осетии. - Орджоникидзе, 1960. - С.89.
15. Там же. - С.90.

Ю.А. Комарова
(г. Армавир)

ЭТНОКОНФЕССИОНАЛЬНЫЙ СОСТАВ НАСЕЛЕНИЯ ДОРЕВОЛЮЦИОННОГО АРМАВИРА

В современном обществе, в связи с возникающими конфликтами, зачастую имеющими религиозную подоплёку, всё чаще проявляется интерес к изучению истории различных религиозных течений и связанных с ними культовых объектов. А в рамках полиэтничного и многоконфессионального Армавира эта тема является особенно важной.

Следует также отметить, что, несмотря на резкие социальные и религиозные контрасты, здесь интенсивно вырабатывались традиции совместного проживания различных народов. Между представителями этнических общин Армавира сохранялись мирные добрососедские отношения. Это объясняется во многом тем, что у многих этнических общин Армавира существовала определённая профессиональная специализация. Занимая отдельные экономические, хозяйственные и культурные ниши и выполняя общественно-значимые функции, представители разных народов, с одной стороны, наиболее эффективно реализовывали себя в привычных сферах деятельности, а с другой - существенно ограничивали возможности конфликта на базе столкновения взаимных интересов.

Главные храмы города являлись центрами культурной жизни и обмена информацией, а также местом религиозного поклонения представителей различных течений христианства, например, православных верующих и представителей григорианского вероисповедания что, конечно, демонстрирует выработку традиции совместного проживания народов и атмосферу добрососедских отношений его жителей.

Проведение в 1875 году через Армавир Владикавказской железной дороги стало переломным моментом в его истории. Новая транспортная магистраль оказала самое непосредственное влияние на быструю трансформацию всех сфер местной жизни. Сонный и патриархальный аул черкесских армян, переименованный в 1876 году в село, преображался буквально на глазах, в результате чего резко изменился состав и численность населения. Сюда стали прибывать массы переселенцев из различных уголков России. Удачное месторасположение Армавира на линии железнодорожной магистрали, посреди обширного сельскохозяйственного района с плодородными чернозёмами, вблизи от важнейших торговых центров Кубанской и Терской областей и Ставропольской губернии привлекало сюда не только русских, но и представителей многих других народов, живущих в нашем Отечестве [1].

Этническим общинам Армавира была присуща разная степень организации. В качестве объединяющих факторов могли выступать: общая профессиональная ориентация, территория компактного проживания, национальные учебные заведения, политические группы и партии, просветительские и благотворительные общества, собственные органы внутреннего самоуправления (например, Волостное правление у черкесо-гаев) и т.п. Однако важнейшим условием сохранения национальной идентичности в то время являлась религия. И в Армавире представители разных конфессий имели все возможности для удовлетворения своих духовных нужд.

Вместе с увеличением иногороднего населения в Армавире получают распространение различные формы вероисповедания. Большинство приезжих русских, греков, грузин, чехов, литовцев, поляков были христиане, однако принадлежавшие к разным его течениям.

В конце XIX века в Армавире начинают сооружаться православные храмы. Так в 1884 г. на собранные верующими средства на одной из площадей селения был сооружён молитвенный дом во имя Святителя Николая [2]. Вскоре рядом была заложена каменная Николаевская церковь, освящение которой состоялось в 1892 г.

В 1939 г., в соответствии с постановлением Армавирского городского совета, храм был уничтожен.

Большинство ассирийцев Армавира также исповедовали православие. Однако из-за непонимания русского и тем более церковно-славянского языка халдеи неохотно посещали православные храмы селения. Ввиду этого, в начале 1910-х гг. они устроили в Армавире собственный нелегальный молитвенный дом, где под руководством священника Давида Вениаминова читали евангелие «на сирохалдейском языке, поочерёдно произносили проповеди для своего назидания и пели стихи нецерковного содержания» [3]. Там же действовала начальная ассирийская школа, где обучалось около 50 детей.

Говоря о втором направлении христианства - западном (католического), то в Армавире у него также были свои последователи: местная община поляков, чехи, литовцы, небольшая группа немцев и армян.

В Армавире функционировал римско-католический дом. В источниках начала XX в. молитвенный дом чаще всего назывался католическим или польским костёлом, так как подавляющее большинство его прихожан составляли поляки [4].

Для этой цели местное сельское общество подарило прихожанам обширный участок земли размером около 2 десятин на углу улиц Шереметьевской и Новой (ныне на этом месте стоит офисное здание по ул. Энгельса, 25). Строительные работы завершились примерно к 1909 году. Первоначально все религиозные обряды в костёле совершались приезжими священниками, а позже богослужения здесь стали проводить собственные

ксендзы, назначавшиеся епископами Тираспольской римско-католической епархии. Первым настоятелем храма стал священник Роман Смолинский, утверждённый в этой должности 2 октября 1912 г. С его приездом уже в начале ноября того же года в костёле было введено ежедневное богослужение и исполнение необходимых обрядов.

Здесь отмечались не только религиозные католические праздники, но и совершались богослужения в честь важнейших событий в жизни России. Одновременно с костёлом в Армавире возникает приходское католическое кладбище, располагавшееся на западной окраине, рядом с русским и немецким некрополями.

Что же касается многочисленной армянской общины, то армяне были очень крепки своей идейной силой, определённым тяготением к духовному мировоззрению, выражавшемуся в исповедуемой ими христианской религии.

Весной 1840 г. на центральной площади аула (ныне площадь между улицами: Кирова, Жукова, Дзержинского и Осипенко) началось строительство первой деревянной армяно-григорианской церкви. Строительные работы шли быстро, но в одну из ночей 1842 г. недостроенный храм полностью сгорел [5]. Местные жители подозревали, что это был поджог, так как в ту ночь из аула внезапно исчезли трое гостивших здесь горцев.

Армавиры не отчаивались. В условиях отсутствия церкви религиозные обряды совершались во временном молитвенном доме. Уже 15 августа 1842 г. последовало повеление российского императора о постройке в Армянском ауле, вместо сгоревшей, новой каменной церкви и о предоставлении для этого пособия.

Новую церковь начали возводить на месте сгоревшей старой. 25 августа 1861 г. кирпичная армяно-григорианская церковь была торжественно освящена Астраханским архиепископом Матевосом, получив название Верапохумн Сурб Астваццни (Успения Святой Богородицы). В русском варианте этот храм обычно именовался Успенским [6].

Церковная площадь стала первым духовным, административным и экономическим центром Армавира. Ещё в 1841 г. на её южной стороне открылся торговый ряд, и до 1887 г. здесь действовал главный базар селения. Рядом с храмом располагался «сборный дом», куда для обсуждения важнейших вопросов внутренней жизни Армавира сходились коренные мужчины-домохозяева. Возле Успенской церкви открылись и функционировали первые в ауле армянские мужское и женское начальные училища.

У многочисленной немецкой общины Армавира имелся свой духовный очаг - евангелический лютеранский молитвенный дом, который в газетной хронике того времени обычно именовался лютеранской церковью.

В лютеранском молитвенном доме богослужения совершались пасторами, несколько раз в год приезжавшими в Армавир из других центров региона. В здании евангелического лютеранского молитвенного дома функционировало немецкое приходское училище. Неподалёку от храма, у шоссе, ведущего на кирпичные заводы, находилось лютеранское кладбище [7].

К сожалению, никаких изображений внешнего облика молитвенного дома не сохранилось, но по данным различных источников, это было обширное деревянное, обложенное кирпичом одноэтажное здание.

Как было отмечено ранее, в конце XIX - начале XX в. в Армавире складывается многочисленная община мусульман. Они также имели возможность для удовлетворения своих духовных нужд.

В 1910 г. в Армавире, на окраинной Войсковой улице (ныне ул. Пугачёва, 23), силами местной общины казанских татар была воздвигнута суннитская мечеть.

Главным инициатором и ходатаем в этом деле выступил ротмистр Индриз Бекович Тутаев. Значительные средства на храм пожертвовал богатый ногайский князь Атажук Адильгиревич Капланов-Нечев. Сооружение мечети осуществила строительная контора М.И. Мисожникова. Несмотря на относительно небольшую смету, составлявшую около 7 тыс. руб., у армавирских мусульман появился прекрасный капитальный храм, возведённый в духе татарского культового зодчества. Над зданием возносился восьмигранный 3-х этажный минарет с изящным шлемовидным куполом и полумесяцем на высоком шпиле. С располагавшегося здесь балкона 5 раз в день муэдзин громко призывал правоверных совершить намаз. С 1912 г. обязанности муллы здесь исполнял Гимади Камалович Байгильдеев - родной брат будущего классика советской татарской литературы писателя Камала Шарифа [8].

Армавирские мусульмане ощущали себя полноправными членами семьи народов России, отмечая в храме не только свои религиозные, но и общегосударственные праздники и даты.

В 1911 г. при мечети стало действовать русско-мусульманское училище, где получали начальное образование дети местных татар. Любопытно, что в этой школе мальчики и девочки обучались совместно, что для мусульман являлось тогда большой редкостью. В 1928 г. армавирские мусульмане лишились своего духовного очага. В бывшей мечети открылась «трудовая татарская школа». Сегодня здесь находится несколько жилых квартир. Несмотря на то, что старинная мечеть официально причислена к памятникам архитектуры, её здание продолжает искажаться пристройками, постепенно ветшает и разрушается.

Таким образом, необходимо отметить, что в Армавире представители различных конфессий имели все возможности для удовлетворения своих ду-

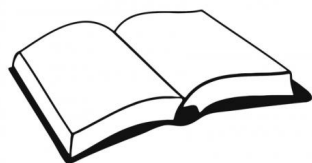
ховных нужд. Неоднородность населения практически никогда не оборачивалась межнациональным и межрелигиозным противостоянием. Приверженцы различных конфессий находились в тесном взаимодействии. Интенсивное общение и участие в совместном решении житейских проблем не мешали армавирицам сохранять своеобразие в области духовной культуры.

Прихожан разных храмов объединяло общее Отечество, о благополучии которого они возносили свои молитвы. Эта солидарность особенно зримо проявлялась в критические моменты истории Российского государства. После начала Первой мировой войны во всех армавирических храмах состоялись богослужения о скорейшей победе России.

На сегодняшний день в городе мирно и дружно проживают более ста национальностей, со своей специфической культурой и религиозной жизнью, создано десять диаспор. И горожане, и городские власти гордятся стабильностью и межнациональным согласием, которое всегда было, есть и будет отличительной чертой армавирицев.

Примечания

1. Ктиторов С.Н. История Армавира (досоветский период: 1839-1918 гг.). - Армавир, 2002. - С.183.
2. Ктиторов С.Н. Лики старого Армавира. - Краснодар, 2010. - С.93.
3. Ассирийцы Краснодарского края. Сборник информационно-методических материалов. - Краснодар, 2007 // <http://www.atranews.com>. (29.01.13).
4. Виноградов В.Б. Средняя Кубань: земляки и соседи (формирование традиционного состава населения). - Армавир, 1995. - С.130.
5. Погосян Л.А. Армянская колония Армавира // <http://86137.ru>. (30.11.12).
6. Иванов Е.М. Армавир - мой город родной. Записки краеведа. - Армавир, 1996. - С.18.
7. Ктиторов С.Н. История Армавира (досоветский период: 1839-1918 гг.). - Армавир, 2002. - С.201.
8. Ктиторов С.Н. Лики старого Армавира. - Краснодар, 2010. - С.99.

ПОЗИЦИЯ ГОРОДСКИХ ЭТНИЧЕСКИХ СООБЩЕСТВ В КРИЗИСНЫЕ ПЕРИОДЫ ИСТОРИИ РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА³

Россия, сложившаяся в течение своей тысячелетней истории в огромную полиэтническую державу, не раз проходила серьёзное испытание на прочность. В период внешних агрессий, внутренних кризисов и смут единство и стабильность государства в немалой степени зависели от позиций народов, населявших просторы необъятной империи. Только их солидарная поддержка могла обеспечить целостность страны в переломные моменты истории. Как правило, преодолев очередные угрозы, наше Отечество становилось лишь сильнее. Возрождение и укрепление государства сопровождалось расширением границ и включением в состав семьи разноразличных подданных российского царя новых народов.

Процесс интеграции этносов в единое общество не всегда был гладким и безболезненным, однако, несмотря на все сложности, в итоге центристские силы брали верх. Основой для такого синтеза выступала коренная особенность внутренней политики правительства многонациональной державы, руководствовавшегося не столько узкорусскими, сколько общегосударственными интересами. Россия никогда не была матерью-родиной только для большинства русских, а для остальных народов злостью мачехой [1]. Благополучие и стабильность страны являлись гарантией безопасности и мирной жизни всех этнических групп её населения. Этот факт доминировал в сознании, как национальных элит, так и рядовых представителей народов России. Именно поэтому в годину испытаний большинство граждан страны, несмотря на все этнокультурные и религиозные отличия, плечом к плечу вставали на защиту своей общей Родины.

Данное обстоятельство особенно ярко и наглядно проявлялось в многонациональных периферийных регионах государства, среди которых особое место занимал Северный Кавказ, вошедший в состав России в относительно недавний исторический период, и где интеграционные процессы в начале XX века были ещё весьма далеки от завершения. В монографии авторитетного ростовского исследователя В.А.Матвеева обоснован принципиальный вывод о том, что главным содержанием эпохи Кавказской войны и связанных с ней перемен во второй половине XIX века стало признание местными народами России в качестве своего Отечества

³ Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда и Краснодарского края в рамках научного проекта № 14-11-23003

[2]. По словам историка, несмотря на противоречия интеграции, «чаще всего самая значительная часть тех или иных этнических сообществ, в конечном итоге приходила к осознанию своего единства с Россией», хотя это гражданское приобщение в дореволюционный период ещё не было всеобщим [3]. Указанный вектор вовлечения коренных обитателей Северного Кавказа в единую семью народов империи выступает одним из признаков «российскости», как тенденции к равноправному историческому партнёрству, диалогу и мирному сотрудничеству, характерной для межнациональных отношений российских граждан.

Приверженность к общему Отечеству проверялась на прочность в наиболее критические периоды истории государства, особенно, в военные годы. Одним из моментов, продемонстрировавших степень единства и солидарности народов России стало начало Первой мировой войны в 1914 г. В это время представители почти всех национальных групп российского общества заявили о своей безоговорочной поддержке государства перед лицом внешней угрозы. Ярким и, вместе с тем, характерным примером этого факта являются события, происходившие летом и осенью 1914 г. в г. Армавире - едва ли не самом полиэтничном населённом пункте Северного Кавказа. Источником для данной статьи послужили материалы местной периодической печати, прежде всего, газеты «Отклики Кавказа».

В описываемый период во всех храмах города проходили торжественные богослужения, собиравшие массы верующего люда. 6 августа 1914 г. в русской православной Николаевской церкви состоялась Божественная литургия, после которой был совершен крестный ход к часовне на Николаевском проспекте. Армавирцы возносили здесь молитвы «о здравии Государя Императора и даровании русскому воинству победы над врагом» [4].

Аналогичные церемонии прошли и в неправославных храмах города. 10 августа в местном римско-католическом костёле верующие, преимущественно поляки, просили Бога «о даровании русскому воинству победы над врагом и здравии обожаемого Государя Императора». В газете сообщалось: «Костёл был украшен флагами и гирляндами из зелени и ягод. Перед началом молебствия, находящаяся в костёле музыка исполнила гимн. По окончании молебствия был совершен вокруг костёла крестный ход, а по окончании его, находящимся в ограде костёла оркестром вторично исполнен гимн, покрытый возгласами «ура»!» [5].

В тот же день аналогичное молебствие «при многочисленном собрании магометан» состоялось и в армавирской соборной мечети. Службу провёл местный мулла Г.К. Байгильдеев, который, что любопытно, являлся секретным штатным сотрудником армавирского жандармского отделения, доставляя властям информацию о пантюркистском движении [6]. В

состав местной общины мусульман входили, в основном, поволжские татары и в меньшем числе - кубанские горцы.

17 августа торжественное богослужение прошло в Успенской армянской церкви. Во время церемонии священник Габриел Твелян «произнёс проповедь на тему о миролюбии, окончании всякой вражды... Подав друг другу руку дружбы будем всеми силами стараться, кто чем может противодействовать врагам, поднявшим меч на дорогую нашу родину Россию - сказал о. Габриел. Доля каждого из нас защитить Царя и Отечество» [7].

Особенно показательное сообщение появилось в армавирской газете «Отклики Кавказа» 15 ноября 1914 г. (№ 256): «Сегодня, в воскресенье 16 ноября, в 10 ч. утра, в местном евангелическо-лютеранском молитвенном доме состоится при участии приехавшего из Владикавказа пастора Аксима богослужение с приобщением молящихся Свят. Тайн и торжественное молебствие о даровании русской армии победы». Подавляющее большинство местных лютеран составляли российские немцы, выходцы из Самарской и Саратовской губерний, армавирская община которых являлась самой большой на Северном Кавказе. К сожалению, неизвестно, состоялась ли данная служба в лютеранском храме, однако пророссийская ориентация основной массы местных немцев не вызывает сомнения.

В рассматриваемый период на улицах города устраивались многочисленные и массовые патриотические шествия, в которых, кроме большинства русских, участвовали и представители других народов. После вступления в войну против России Османской империи в Армавире состоялась армянская манифестация. Это событие нашло отражение на страницах газеты «Голос Кубани»: «В воскресенье, 26 октября, в армянской Успенской церкви, после Божественной литургии был прочитан кондак католикоса всех армян, данный по случаю войны. Церковь была переполнена... Ввиду того, что в церкви уже не было места и была заполнена вся церковная ограда, молебствие о ниспослании победы русскому воинству было решено отслужить на церковной площади. Туда вышло духовенство. Скоро вся площадь была запружена народом. Появились плакаты и национальные знамёна. После молебствия, тут же на площади, был устроен митинг, превратившийся затем в грандиозную манифестацию... Многотысячная толпа под звуки гимнов русского и союзных держав, стройными рядами двинулась по Николаевскому проспекту... Высоко развевались плакаты с надписями:

- Да здравствует Россия - освободительница христиан от турецкого ига!
- Долой германизм и задыхающуюся Турцию!
- Турецкая Армения - под сенью России...

И плакат на армянском языке. - Кеццен гай камаворнер! (Да здравствуют армянские добровольцы). Отдельной стройной группой в центре шествия следовала армянская дружина, на днях отправляющаяся на театр войны» [8].

Оказавшись на турецком фронте, многие волонтеры вступили в отряд легендарного боевого командира Гая Бжшкяна [9]. Ратные подвиги ряда армян были отмечены государственными наградами. Так, уже в начале 1915 г. в местной газете сообщалось об армавирских черкесо-гаях (черкесских армянах) А.З. Испирове, награжденном Георгиевскими крестами 2-й, 3-й и 4- степеней и П.А. Паносове, удостоенном двумя серебряными и одним золотым Георгиевским крестами и двумя серебряными медалями [10].

В описываемый период в Армавире закладываются традиции боевого содружества и взаимопомощи адыгов и русских. В сентябре 1914 г. в военном лагере Лабинского отдела, расположенном вблизи города, у слияния рек Урупа и Кубани, происходило комплектование Черкесского полка Кавказской конной туземной дивизии. В первых числах октября того же года всадники Черкесского полка отбыли из Армавира по железной дороге на Украину в Подольскую губернию, а вскоре вступили в боевые действия на Юго-Западном фронте против австро-венгерской армии [11]. В сражениях Первой мировой войны кубанские горцы действовали как настоящие герои, показав себя верными и преданными сынами своего большого Отечества - России.

В самом Армавире в годы войны горожане, как могли, старались помочь Отчизне выстоять с жестокой схватке с врагом. Местные жители открывали на собственные средства госпитали и ухаживали за ранеными, отправляли посылки в действующую армию, заботились о семьях мобилизованных и о детях погибших воинов, жертвовали на нужды прибывавших в город беженцев. Среди тех, кто участвовал в этой благородной и самоотверженной работе были русские, армяне, поляки, евреи, чехи, грузины и даже немцы и турки. Не их вина, что России не суждено было одержать победу в той войне. Важно то, что как в Армавире, так и в других городах огромной страны, в годину испытаний были явлены лучшие качества, присущие многонациональному российскому обществу, заключавшиеся в солидаризации частных и групповых интересов во имя безопасности и благополучия единого государства, ставшего Отечеством для проживавших в нём народов.

Примечания

1. Нестеров Ф.Ф. Связь времён: опыт исторической публицистики. - М., 1987. - С.105,110.
2. Матвеев В.А. Россия и Северный Кавказ: исторические особенности формирования государственного единства (вторая половина XIX - начало XX в.). - Ростов-н/Д., 2006. - С.83.
3. Там же. - С.84-85.
4. Отклики Кавказа. - Армавир, 1914. - № 176.
5. Там же. - № 179.
6. Там же; 1917. - № 74.

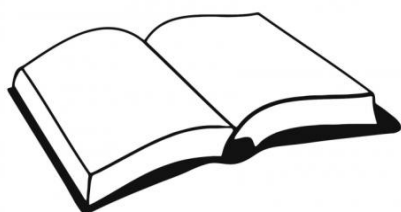
7. Там же. - 1914. - № 184.

8. Голос Кубани. - Армавир, 1914. - № 9.

9. Погосян Л.А. Армянская колония Армавира. - Ереван, 1981. - С.128.

10. Отклики Кавказа. - Армавир, 1915. - № 69,77.

11. Вершигора А.Д. О взаимодействии адыгов и русских в военных вопросах после Кавказской войны // Кавказская война: уроки истории и современность: Материалы научной конференции. - Краснодар, 1995. - С.225; Опрышко О.Л. Кавказская конная дивизия. 1914-1917: возвращение из забвения... - Нальчик, 1999. - С.45,49.

С.И. Пасенко
(г. Армавир)

**ОПЫТ МЕЖЭТНИЧЕСКОГО ПАРТНЁРСТВА
И ДОБРОСОСЕДСТВА НАРОДОВ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА
НА ПРИМЕРЕ БИБЛИОТЕКИ ИМЕНИ Л.Н. ТОЛСТОГО
В ГОРОДЕ АРМАВИРЕ**

Традиции добрососедства и совместничества были заложены в Армавире с самых первых моментов его существования. Продолжались они и в советский период истории города. Наиболее ярким примером в данном вопросе может служить деятельность библиотеки имени Л.Н. Толстого.

Наряду с абонементом, читальным залом и детским отделом с июля 1949 года в библиотеке имени Л.Н. Толстого работал армянский отдел, в задачи которого входило поддержание национальных культурных традиций армянской части населения Армавира. Кроме того, с помощью литературы на армянском языке читатели отдела знакомились с произведениями русских и советских писателей, вовлекались в жизнь советского общества. В год открытия в отделе имелось 963 экземпляра литературы. Отделом систематически проводились массовые мероприятия: доклады, лекции на армянском языке, читки [1].

Городская газета «Армавирская коммуна» в 1949 году так описала открытие данного отдела: «Осуществилось давнее пожелание армянского населения города: открыт филиал армянской книги при библиотеке имени Л. Толстого. Отдел работает всего несколько дней, а уже чувствуется, как сильна тяга армянского населения к литературе. На 1 июля записалось 75 человек. С увлечением читают на армянском языке «Молодую гвардию» Фадеева, «Повесть о настоящем человеке Б. Полевого и др. Библиотека приобрела на 700 рублей [см. цены 1949 года] армянских книг, кроме того, из Москвы, из государственного фонда прислано на 2490 рублей. Присланы прекрасно изданные Сочинения Ленина и Сталина, альбом, посвящённый армянам-генералам и Героям Советского Союза. Получили прекрасно изданные сочинения Л.Н. Толстого. На данный момент последним у нас записался 69-летний пенсионер Мелик Елизарович Мхитарян. Нужно было видеть его радость при виде этих книг. Идут с чувством национальной гордости в отдел и молодые и старые армяне. В числе записавшихся: тт. Тер-Саакян - директор армянской средней школы № 21, А.Н. Бабаян - преподавательница биологии, Мартиросян - учитель химии, колхозник из артели имени Микояна Б.Х. Хачатурян, грузчик завода «Армалит» С.А. Даводян, рабочий бойни Т.С. Петросян и другие. Учитель Н.А. Осипов для читателей прочитал доклад: «Пушкин в армянской литературе» [2].

В «Отчёте библиотеки имени Л.Н. Толстого с 1 января 1950 г. по 1 октября 1950 г.» в разделе «Массовая работа» указаны темы прочитанных лекций по воспитанию интернационализма и патриотизма:

- История славянского народа;
- Патриотизм в творчестве Маяковского (на армянском языке).

В этом же отчёте указаны темы докладов:

- О международном дне 1 Мая (на русском и армянском языках);
- О жизни и деятельности армянского писателя Ширванзаде.

Указана тема литературного вечера:

- О жизни и деятельности Аванеса Туманян (на армянском языке) [3].

В 1951 году библиотека провела в городском парке культуры и отдыха имени В.И. Ленина читательскую конференцию по теме «Сталь и шлак» на армянском языке [4].

В декабре 1953 года библиотека проводит конференцию «Дружба народов в художественной литературе» [5].

В годовом отчёте библиотеки имени Л.Н. Толстого за 1955 год указан национальный состав читателей [6] (см. таблицу).

Национальность	Количество читателей в 1955 году
Русских	4910 человек
Армян	405 человек
Иных национальностей	152 человека
Итого	5467 человек

В 1960 году количество выданной литературы в армянском отделе составила 4153 экземпляра [7]. В 1961 году выдача армянской литературы снизилась, но, тем не менее, составила большой объём - 2692 экземпляра [8].

Бывший сотрудник библиотеки имени Л.Н. Толстого Екатерина Яковлевна Здвижкова вспоминает, что в начале 1950-х годов отдел действительно работал активно, но к 1960-м гг. отдел литературы на армянском языке практически прекратил свою работу [9]. Вопрос о том, почему работа данного отдела была прекращена, только предстоит выяснить. Но ясно одно - годы работы отдела армянской книги - прекрасный пример межэтнического партнёрства и добрососедства народов Армавира.

В целом следует отметить, что деятельность библиотеки имени Л.Н. Толстого с ноября 2001 года приостановлена по причине аварийного состояния здания (здание оседает). Тем временем, когда обсуждается вопрос о возможных путях возрождения библиотеки имени Л.Н. Толстого, научному сообществу города нужно обратить серьёзное внимание на ценнейший опыт работы данного учреждения культуры.

Примечания

1. Архивный отдел Администрации Армавира (далее АОАА). Ф. Р-1322. Оп. 1. Ед. хр. 70. Л. 17.

2. Попова А. Армянский филиал при библиотеке // Армавирская коммуна. - 1949 (09.07.). - № 133.

3. АОАА. Ф. Р-1322. Оп. 1. Ед. хр. 72. Л. 33.

4. АОАА. Ф. Р-1322. Оп. 1. Ед. хр. 75. Л. 72.

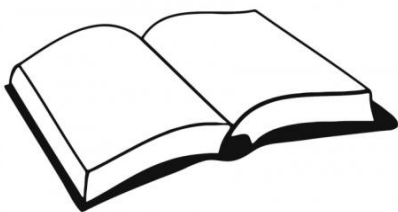
5. АОАА. Ф. Р-1322. Оп. 1. Ед. хр. 85. Л. 18.

6. АОАА. Ф. Р-1322. Оп. 1. Ед. хр. 111. Л. 5.

7. АОАА. Ф. Р-1322. Оп. 1. Ед. хр. 160. Л. 6.

8. АОАА. Ф. Р-1322. Оп. 1. Ед. хр. 185. Л. 22.

9. Из телефонного разговора с бывшим сотрудником библиотеки имени Л.Н. Толстого Здвижковой Е.Я. (26 декабря 2013 г.).

ДУХОВНЫЕ АСПЕКТЫ ГОРОДСКОГО БЫТА НЕМЦЕВ АРМАВИРА С КОНЦА XIX ВЕКА И ДО 1941 г.

В настоящей статье мы затронем столь сложную в исследовательском плане проблему, как духовный мир. Сложность в нашем случае заключается в том, что немцы, проживавшие в Армавире с конца XIX в. и до 1941 г., не оставили на сей счёт подробных свидетельств. Они не писали мемуаров, у нас нет их писем, где бы встречались рассуждения по этому поводу, и даже статистика двух довоенных переписей населения не даёт нам достаточно ясной картины об их духовном мире.

Важным фактором духовного единства является церковь. Само понятие «община» наиболее рельефно выглядит применительно к некоему объединению людей на религиозной основе. Немцы Армавира не были едины в конфессиональном отношении. Применительно к дореволюционному периоду мы можем судить об этом достаточно определённо. При этом в количественном отношении конфессиональные группы были далеко не равновесны.

Лютеранская община в Армавире в качестве филиала вошла в состав Владикавказского евангелическо-лютеранского прихода в октябре 1884 г. [1].

Согласно сведениям, собранным в 1896 г. Кубанским областным правлением, армавирское Евангелическо-лютеранское приходское общество состояло из 700 прихожан и имело школу [2]. Обычно у немцев, ещё по колониетской традиции, школа сочеталась с молитвенным домом. При этом нам известно, что здание молитвенного дома было построено к 1898 г. [3].

В 1897 г. 20 немцев в Армавире исповедовали православие; трое были причислены к «старообрядцам и уклоняющимся от православия»; одна женщина принадлежала к армяно-григорианской церкви; 25 чел. были католиками; 1 214 чел. - протестанты. Кроме того, шестеро человек, назвавшие родным немецкий язык, исповедовали иудаизм [4].

В период организационного оформления евангелическо-лютеранская и реформатская церкви на Северном Кавказе были объединены государством. Это не вызвало конфликтной ситуации [5]. Материалы метрических книг армавирского лютеранского молитвенного дома в полной мере подтверждают этот вывод.

С 1899 по 1918 гг. в Армавире заключили брак 464 пары (88,6 %), в которых оба супруга были лютеранами; 37 браков были заключены между лютеранами и реформатами (7,03 %); 6 браков, где оба супруга были ре-

форматами (1,14 %); 7 браков были заключены между лютеранами и католиками (последние, главным образом, были иностранцами (-ками)).

В Армавире не было своего пастора, по крайней мере, если говорить о дореволюционном периоде. Несколько раз в году сюда приезжали лютеранские пасторы из Владикавказа, Пятигорска или Ростова-на-Дону. Такая практика сложилась ещё в Поволжье, что было связано с большой разбросанностью и удалённостью колоний от прихода.

Крещение могло совершаться не только лицом духовного звания или его доверенным. Бывало, что лютеране самостоятельно крестили своих детей. Очевидно, что они делали это в исключительных обстоятельствах, связанных с удалением от молитвенного дома и опасностью смерти младенца. Крестили не только в молитвенном доме или у себя, но также и в домах поселенцев, которые не принадлежали никому из родителей или крёстных младенца, если судить по их именам. В короткие временные отрезки своего пребывания в Армавире пасторы не занимались скорбными делами. Они венчали пары, ожидавшие их приезда, а также крестили детей, которые появились на свет в столь удобный момент.

Важную роль в обряде крещения занимали такие его участники как восприемники (крёстные родители). Из метрических записей «немецких книг» становится очевидным, что лютеране (и реформаты) придерживались несколько иной традиции в выборе восприемников, нежели православные в выборе крёстных родителей. Это касается, прежде всего, их числа. В подавляющем большинстве восприемников было трое. Чрезвычайно редко их было двое или четверо. Однако такие случаи известны [6]. Судя по фамилиям, восприемниками вполне могли быть родственники жены или мужа. В других случаях можно допустить, что это были близкие люди, друзья семьи и т.п. То есть, в этом отношении крёстные родители подбирались также как и у православных. Нередко в числе трёх восприемников оказывалась супружеская пара. Соотношение числа мужчин и женщин строго не устанавливалось. Известны случаи, когда восприемниками могли быть только мужчины. Таких примеров в отношении женщин мы не встретили.

Случай самого позднего крещения зафиксирован 3 декабря 1906 г., когда этот обряд принял Авраам Боль (реформат), родившийся 10 мая 1881 г., то есть в возрасте 25 лет [7]. Такие случаи были в то время очень редкими.

Далее мы обратимся к обряду венчания.

Обращают на себя внимание периоды проведения бракосочетаний. Наиболее интенсивно венчались осенью, реже зимой и весной, а вот летом свадеб практически не было.

В 1898 г. в Армавире закончилось строительство лютеранского молитвенного дома. Источник называет его «школьно-молитвенным» [8]. Он находился возле полотна Владикавказской железной дороги. Сегодня на

его месте расположена армавирская санитарно-эпидемиологическая станция по ул. Ленина, 26. Мы не можем точно сказать, как выглядело здание молитвенного дома. Его изображений не сохранилось. Известна его планировка и другие технические характеристики в 1931 г.

На протяжении нескольких десятилетий лютеранский молитвенный дом был для армавирских немцев значимым фактором их этнокультурной и конфессиональной консолидации. Сегодня нам трудно судить о его повседневной деятельности. Мы знаем имена кистеров и учителей, работавших в этом доме и несших, фактически, пасторскую службу. Мы знаем, что за долгие годы сотни и тысячи немцев лютеран и реформатов посещали его не только для молитвы и в праздничные дни, но и для совершения здесь наиважнейших обрядов и таинств.

Известно, что уже в послереволюционный период в Армавире появляется свой пастор. Его звали Рихард Гебель. В одном источнике мы нашли подтверждение того обстоятельства, что «в [лютеранской] общине службы проводил пастор Richard Goebel, 1929-1933 гг.» [9]. Из чего мы можем заключить, что, по крайней мере, до 1933 г. в Армавире лютеранские службы проводились, а пастор был вполне официально признаваем в своей должности. Конечно, 1929 и особенно 1930 и 1931 гг. стали тяжёлым временем для «служителей культа», но среди лиц, лишённых избирательных прав на этом основании мы не встретили имени этого пастора.

Выполняя декрет Совета Народных Комиссаров об отделении церкви от государства, Кубано-Черноморский исполнительный комитет 4 ноября 1922 г. принял постановление об описи имущества церквей и заключении договоров с приходами (группами верующих), позволявших церквям и далее исполнять свои функции. Этот шаг мог привести к закрытию церкви или молитвенного дома только в том случае, если не нашлось бы желающих взять на себя ответственность за сохранность имущества и здания храма.

Последующие гонения на церковь не обошли и Армавирский лютеранский приход. В бывшем здании молитвенного дома открылась школа.

Итак, мы видим, что обрядовая деятельность в жизни армавирских лютеран в досоветский период играла важную роль. Метрические книги велись старательно, и записи вносились скрупулёзно. Головной приход не оставлял армавирский филиал без внимания, визиты пасторов носили регулярный характер. В их отсутствие обряды исполняли уполномоченные ими лица: кистер или учитель. Это соответствовало традиции лютеранской церкви. В то же время и простые прихожане могли самостоятельно совершать религиозные обряды. Однако это не говорит об ослаблении консолидирующей роли религии или о недостаточном уважении к её служителям. Анализ материалов метрических книг показывает, что это делалось только в исключительных обстоятельствах, когда не было возможно-

сти отложить обряд. Это касалось обрядов крещения и отпевания. Никогда кистер, учитель или поселянин не проводили венчания. Наверняка не потому, что лютеране придавали ему более важное значение, чем другим обрядам, а потому, что его можно было отложить без особого риска и ущерба для главных участников до приезда пастора.

Браки между немцами лютеранами и реформатами в Армавире заключались более интенсивно, чем на прежних местах жительства в Поволжье. Этот вывод следует из сопоставления состава венчавшихся в Армавире пар и состава пар, у которых здесь же родились дети. Острых разногласий или конфликтов между представителями двух этих направлений протестантизма в Армавире не отмечено. При выборе будущего супруга (-ги) этнокультурная принадлежность играла более важную роль, чем конфессиональная.

В советский период число межэтнических браков среди армавирских немцев заметно возрастает. Если считать близким к истинному процент заключённых до революции смешанных браков у немцев в 1,47 % (и даже если удвоить его, добавив смешанные браки женщин), то в 1920-1930-е гг. их число увеличивается более чем в 20 раз. Несомненно, это обстоятельство следует считать мощным фактором этнокультурного размывания немецкой локальной группы в нашем городе.

Следует сказать, что немецкое население Армавира в подавляющем большинстве придерживалось лютеранства, что само по себе может рассматриваться как консолидирующий фактор.

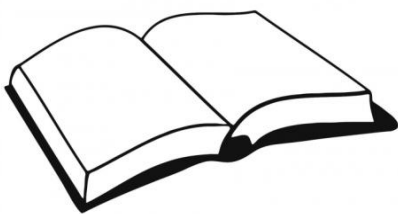
Большое значение в духовной жизни армавирских протестантов играл молитвенный дом, в котором размещалась и школа. Службы лютеранским пастором проводились в городе, как минимум, до 1933 г. В последующем, этот фактор консолидации среди армавирских немцев ослабевает.

Примечания

1. Плохотнюк Т.Н. Российские немцы на Северном Кавказе. - М., 2001. - С.57.
2. Российский государственный исторический архив (далее РГИА). Ф.1090. Оп.1. Д.133. Л.7.
3. Государственный архив Ставропольского края. Ф. 135. Оп.56. Д.355; Князева Е.Е., Соловьёва Г.Ф. Лютеранские церкви и приходы России XVIII-XX вв. Исторический справочник. Часть 1. - СПб., 2001. - С.53.
4. Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. Т.65. СПб., 1905. - С.78-79.
5. Плохотнюк Т.Н. Немецкое население Северного Кавказа: социально-экономическая, политическая и религиозная жизнь (конец XVIII - середина XX вв.). Дисс. на соиск. уч. степ. канд. ист. наук. - Ставрополь, 1996. - С.84.
6. См. напр.: Архивный отдел администрации г. Армавира. Ф.55. Оп.1. Д.104. Л.31; Д.111. Л.67.
7. Там же. Ф.55. Оп.1. Д.106. Л.166об.

8. Князева Е.Е., Соловьёва Г.Ф. Лютеранские церкви и приходы в России XVIII - XX вв. Исторический справочник. - СПб., 2001. - С.51.

9. Князева Е.Е., Соловьёва Г.Ф. Лютеранские церкви и приходы в России XVIII - XX вв. Исторический справочник. - СПб., 2001. - С.51. (Ссылка на РГИА. Ф.821. Оп.5. Д.85; Оп.6. Д.213; Оп.7. Д.107; Оп.13. Д.28. Д.608, 619).

ИТОГИ И РЕКОМЕНДАЦИИ КРУГЛОГО СТОЛА ПО ТЕМЕ: «ТРАНСФОРМАЦИЯ ЭТНИЧЕСКОГО СОСТАВА НАСЕЛЕНИЯ РОССИЙСКИХ ГОРОДОВ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА В КОНТЕКСТЕ МИГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ»

В ходе проведения круглого стола выявился целый комплекс вопросов, которые в той или иной мере затрагивают актуальную на сегодняшний день проблематику городской истории в контексте изучения проблемы межкультурного диалога, столь значимой в условиях современной социальной ситуации развития Северного Кавказа.

Внимание специалистов было посвящено рассмотрению процесса формирования феномена этнической идентичности в условиях региональной урбанизационной среды, складыванию полиэтничности городского пространства, этноконфессиональной специфике отдельных центров региона, воздействию этнического фактора на архитектуру и застройку городов и т.д.

Следует отметить, что собравшиеся в рамках мероприятия специалисты рассматривали не только влияние миграционных процессов на этносоциальную структуру города. Развернувшаяся на круглом столе дискуссия позволила определить круг перспективных задач в изучении этномиграционных процессов в урбанизационной среде и актуализировать различные аспекты такого научного направления, как этнография города.

В результате по итогам состоявшейся на круглом столе «Трансформация этнического состава населения российских городов Северного Кавказа в контексте миграционных процессов» дискуссии были приняты следующие рекомендации:

1. Расширить историческое поле исследования этномиграционных процессов вплоть до современности, объединив усилия с деятельностью коллег, уже второй год проводящих в АГПА круглый стол по проблемам современных миграций (см.: Миграционные процессы и толерантность: история и современность // Материалы внутривузовской студенческо-преподавательской конференции. - Армавир, 2013; Миграционные процессы и толерантность: история и современность // Материалы внутривузовской студенческо-преподавательской конференции. - Армавир, 2014).

2. Продолжить исследование этнических процессов в городской среде в прошлом и современности, привлекая к данной работе результаты деятельности смежных специалистов: этносоциологов, этнопсихологов, географов и др.

3. Приложить усилия для ознакомления широкой общественности (в частности, через средства массовой информации) с результатами проведенных исследований.

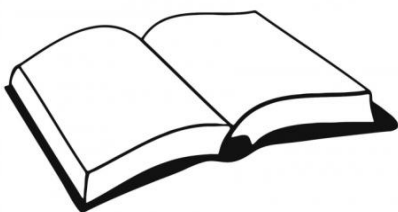
С этой целью необходимо издать сборник материалов и рекомендаций состоявшегося круглого стола.

Максимально привлекая студенческий актив, следует провести серию встреч с учащимися неисторических факультетов АГПА, средних профессиональных и общеобразовательных учебных заведений. На этих встречах в адаптированной форме будут отражены результаты прошедшего круглого стола.

4. Создать рабочую площадку по обмену мнениями среди специалистов города, тесно связанных в своей профессиональной деятельности с межличностными отношениями на полиэтнической и поликонфессиональной основе.

Для этого необходимо привлечь заинтересованных руководителей национальных общин города, методические объединения работников высших и средних специальных учебных учреждений, учителей городских школ, работников муниципальных детских дошкольных учреждений, деятелей сферы культуры и представителей молодёжных организаций.

5. По итогам дискуссии подготовить специальный обучающий модуль для центров повышений квалификации учителей региона.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Авакян Светлана Сергеевна – магистрантка исторического факультета Армавирской государственной педагогической академии, г. Армавир.

Бондарь Виталий Вячеславович – директор автономной некоммерческой организации «Западно-Кавказский НИИ культурного и природного наследия»; Начальник отдела проблем экспертно-консультативной деятельности и проблем культурного и природного наследия Южного филиала Российского института культурологии, кандидат исторических наук.

Дударев Сергей Леонидович – доктор исторических наук, профессор, зав. кафедрой всеобщей и отечественной истории Армавирской государственной педагогической академии, Заслуженный деятель науки Кубани, академик Международной академии информатизации и Общественной академии наук, культуры и образования Кавказа, г. Армавир.

Клычников Юрий Юрьевич – доктор исторических наук, профессор кафедры истории государства и права России и зарубежных стран Пятигорского государственного лингвистического университета, г. Ессентуки.

Комарова Юлия Александровна – магистрантка исторического факультета Армавирской государственной педагогической академии, г. Армавир.

Ктиторов Сергей Николаевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей и отечественной истории Армавирской государственной педагогической академии, председатель Армавирского городского общества историков-архивистов.

Ктиторова Ольга Васильевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей и отечественной истории Армавирской государственной педагогической академии.

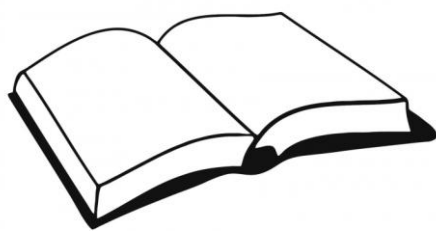
Лазарян Сергей Степанович – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории государства и права России и зарубежных стран Пятигорского государственного лингвистического университета, г. Пятигорск.

Пасенко Станислав Игоревич – магистр, старший преподаватель Армавирского лингвистического социального института, город Армавир.

Сидякина Анна Геннадьевна – научный сотрудник Муниципального учреждения культуры «Муниципальный историко-краеведческий музей Усть-Лабинского района», г. Усть-Лабинск.

Трандофилов Александр Александрович – студент исторического факультета Армавирской государственной педагогической академии, г. Армавир.

Шнайдер Владимир Геннадьевич – доктор исторических наук, профессор Армавирского филиала Кубанского государственного университета, г. Армавир.

СОДЕРЖАНИЕ

От редколлегии	3
Ктиторов С.Н. Взаимосвязь процессов урбанизации Предкавказья с явлениями этнической идентичности и интеграции.....	4
Дударев С.Л., Клычников Ю.Ю., Лазарян С.С. Роль российских городов Северного Кавказа в социокультурной адаптации горского населения к процессам модернизации (конец XVIII - начало XX в.).....	14
Бондарь В.В. Полиэтничность Екатеринодара как фактор формирования архитектурного облика города (1860-х - 1917 гг.).....	23
Ктиторова О.В. Влияние культурной городской среды на рост образованности горского населения.....	36
Сидякина А.Г. Влияние дорожного строительства на укрепление интеграции народов Северо-Западного Кавказа с Россией (XIX - начало XX в.)...	42
Трандофилов А.А. Роль греческих общин в развитии городов Кубани.....	46
Авакян С.С. Поликонфессиональность как фактор специфики исторического развития дореволюционного Владикавказа.....	51
Комарова Ю.А. Этноконфессиональный состав населения дореволюционного Армавира.....	54
Ктиторов С.Н. Позиция городских этнических сообществ в кризисные периоды истории Российского государства.....	59
Пасенко С.И. Опыт межэтнического партнёрства и добрососедства народов Северного Кавказа на примере библиотеки имени Л.Н. Толстого в городе Армавирире.....	64
Шнайдер В.Г. Духовные аспекты городского быта немцев Армавира с конца XIX века и до 1941 г.	67
ИТОГИ И РЕКОМЕНДАЦИИ КРУГЛОГО СТОЛА	72
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	74

ДЛЯ ЗАМЕТОК

ДЛЯ ЗАМЕТОК

ДЛЯ ЗАМЕТОК

Научное издание

**ТРАНСФОРМАЦИЯ ЭТНИЧЕСКОГО СОСТАВА НАСЕЛЕНИЯ
РОССИЙСКИХ ГОРОДОВ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА
В КОНТЕКСТЕ МИГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ**

**Материалы межрегионального круглого стола
(г. Армавир, 23 октября 2014 г.)**

Редакционно-издательский отдел

Зав. отделом: А.И. Грибкова

Компьютерная вёрстка: М.В. Лазарева

Печать и послепечатная обработка: Н.О. Дейко, Э.Э. Хакиев

Подписано к печати 05.11.2014. Формат 60×90/16.

Усл. печ. л. 4,81. Уч. изд. л. 5. Тираж 300 экз.

Заказ № 82а(К)/14.

ФГБОУ ВПО «Армавирская государственная педагогическая академия»

Редакционно-издательский отдел

© АГПА, 352900, Армавир, ул. Ефремова, 35

☎-fax 8(86137)32739, e-mail: rits_agpu@mail.ru, сайт: www.agpu.net